

История
Общество
Политика
2022
№1(21)

Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИКА

**№ 1(21)
2022**

ББК 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2022. №1 (21)

Сетевое научное периодическое издание.

Точка доступа: <http://www.clio-brgu.ru>. Размещено на официальном сайте журнала: 31.03.2022

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов**.

Главный редактор: **С.В. Артамошин** - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: **А.В. Федин** – доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственный секретарь: **А.А. Чубур** – кандидат исторических наук, профессор РАЕ, ведущий сотрудник отдела организации научных исследований, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

С.Ф. Блуменау - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.И. Золотов - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.В. Сагимбаев - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах
Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения членов редакционной коллегии

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского», 2021
© Коллектив авторов, 2022

**HISTORY
SOCIETY
POLICY**

**N 1 (21)
2022**

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2022. №1 (21)

Network scientific periodical.

AP: <http://www.clio-brgu.ru>. Placed on the official website of the journal: 31.03.2022

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

Chairman of the Editorial Board: doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

Editor in Chief: **S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, professor, Dean of the Faculty of History and International Affairs of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Deputy Editor: **A.V. Fedin** - doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Executive Secretary: **A.A. Chubur** - candidate of historical Sciences, Professor RANH, an assistant professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

S.F. Blumenau - doctor of historical sciences, professor, Department of general history and, international relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.I. Zolotov - doctor of historical Sciences, Professor, Department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.V. Sagimbayev - doctor of historical Sciences, Associate Professor, head of the department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

The point of view of the authors may not coincide with the point of view of the members of the editorial board.

© Bryansk State University named after academic I. Petrovskii, 2022

© Authors, 2021

Содержание

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

- Самсаров А.А.* Правительственные комитеты конвента – ключевой элемент системы революционного правления Франции (1792-1795) **6**
- Ешпанов В.С.* Трудности сельскохозяйственного и животноводческого производства Актюбинской области на завершающем этапе Великой Отечественной войны **13**
- Власов Г.В., Денисов С.И.* Деятельность ООН и других организаций в сфере миграции **19**

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Шестакова Н.Ф.* Кельтское возрождение в Великобритании: проблема хронологии и периодизации **23**
- Шафенкова Ю.В.* История развития боулспорта в мире **29**

ДРЕВНОСТИ И АРХЕОЛОГИЯ

- Брешков Р.В.* «Металлопластика из Лопушской коллекции с изображением Святого Великомученика Никиты побивающего беса **36**
- Чубур А.А., Симутина О.С.* Комплекс женского убора раннего железного века из Сумского Посеймья (Украина) **41**

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Филиппова И.В.* Древнерусская эпоха в исследованиях Деснинской комплексной экспедиции Михаила Воеводского **50**

РЕЦЕНЗИИ

- Артамошин С.В.* На пути к Германской империи и Третьей республике Франции (размышления о книге А.В. Бодрова, Н.А. Власова. Железо и кровь. Франко-Германская война. – Спб.: Евразия, 2019. – 544 с.) **61**

- О СЕТЕВОМ ИЗДАНИИ «ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА» **66****

Политическая история

УДК 944.44

А. И. Самсаров

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ КОМИТЕТЫ КОНВЕНТА – КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВЛЕНИЯ ФРАНЦИИ (1792-1795)

Аннотация: В статье рассматриваются этапы развития правительственных комитетов Конвента-Комитета общественного спасения и Комитета общественной безопасности. Появление этих структур было связано с развитием тенденции подчинения исполнительной власти законодательной. Следует выделить три периода: первый, от созыва Национального конвента (1792) до восстания 31 мая-2 июня 1793г.; второй, охватывает период диктатуры монтаньяров (1793-1794); третий, термидорианский этап (1794-1795) завершил революционное правление. В работе проанализированы предпосылки возникновения и причины усиления комитетов. Исследование основано на парламентских архивах и сборнике актов Комитета общественного спасения.

Ключевые слова: Чрезвычайная комиссия, Исполнительный совет, Комитет общественного спасения, Комитет общественной безопасности Конвент, Робеспьер.

A.I. Samsarov. Governmental committees of the Convention are a key element of the system of revolutionary government in France (1792-1795).

Abstract: The article examines the stages of development of the government committees of the Convention-Committee of Public Safety and the Committee of Public Security. The emergence of these structures was associated with the development of the trend of subordination of the executive branch to the legislative branch. Three periods should be distinguished: the first, from the convocation of the National Convention (1792) to the uprising of May 31-June 2, 1793; the second, covers the period of the dictatorship of the Montagnards (1793-1794); the third, Thermidorian stage (1794-1795) completed the revolutionary rule. The paper analyzes the prerequisites for the emergence and reasons for strengthening the committees. The study is based on parliamentary archives and a collection of acts of the Committee of Public Safety.

Keywords: Extraordinary Commission, Executive Council, Public Safety Committee, Public Safety Committee Convention, Robespierre.

Одной из отличительных особенностей Великой французской революции 1789-1799гг. является активное вмешательство законодательной власти в дела исполнительной, приведшее в итоге к полному подчинению правительства законодательному органу. Наиболее отчетливо это видно в период деятельности Национального конвента (1792-1795). Созванный 20 сентября 1792г. для учреждения нового государственного строя он уже через год превратился в один из главных институтов революционного правительства II года Республики. Законодатели применяли два механизма воздействия на правительство: отправляя своих представителей (комиссаров) в департаменты с особыми полномочиями [7, с. 88] и формируя правительственные комитеты (общественного спасения и общественной безопасности). Последние фактически стали правительством Франции во времена диктатуры монтаньяров. Тем не менее, тенденция создания комитетов, как и комиссаров, появилась еще до появления Конвента, во времена Законодательного собрания.

Еще 6 марта 1792г. для наблюдения за королевскими министрами Собрание создает чрезвычайную комиссию (Commission extraordinaire) или комиссию двенадцати. В состав последней вошли представители следующих комитетов: законодательного (Гардиво и Вимар); наблюдательного (Фош и Базир); военного (Делакруа и Жоно); сельского хозяйства (Ружье-Лабержери и Брусоне); торгового (Франсуа и Делезьер); петиций (Шасеньяк и Госюин) [15, р. 46-47]. В последний день существования монархии, 10 августа 1792г., Легислатива прини-

мает еще два декрета, затрагивающих правительство. Первый разрешил Собранию временно назначать министров путем поименного голосования [14, р. 141]. В тот же день вторым декретом королевские министры были уволены и вместо них выбран Временный исполнительный совет в составе шести человек: Лорана, Сервана, Клавьера, Дантона, Монжа и Лебрена [2, с. 152]. 15 августа новому министерству официально передаются все функции исполнительной власти [14, р. 144]. В таком статусе совет просуществует почти два года. Конвент пойдет еще дальше, ставя под контроль уже сами министерства. Для этого из среды первого формируются специальные комитеты. Первым был Комитет общественной безопасности, учрежденный 2 октября 1792г. [14, р. 145]. Основное назначение нового комитета: борьба со всеми возмутителями общественного спокойствия, но главные усилия направлялись против заговорщиков и мятежников. В него вошли Эро д' Сешель (президент), Базир (вице- президент), Тальен, Шабо и др. Большинство было у монтаньяров, у жирондистов только шесть депутатов. Общая численность состава 30 членов [5, с.400]. 7 января 1793 г. численность комитета была удвоена (большинство перешло к жирондистам). Конвент обязал Комитет общественной безопасности выносить решения об аресте только большинством голосов и при наличии кворума в 18 человек [14, р.148]. Но в этом составе комитет проработал не долго. После убийства Лепеллетье в Конвенте 21 января прошли бурные дебаты, в которых выступило много депутатов – Робеспьер, Барер, Дантон, Шабо и др. Тон задавали монтаньяры. В результате был принят декрет, который предлагал среди различных мер переизбрать и сократить до 12 членов Комитет общественной безопасности [8, р.517-529]. Из них большинство было монтаньярами (только один жирондист). 25 марта 1793 г. прибавили еще шесть членов: Камюса, Мора, Осселена, Алькье, Гарнье и Лекуанта. Впоследствии, ротация состава происходила в апреле, июне и августе, это было связано с отправлением депутатов в миссии [4, с.235].

Не останавливаясь на достигнутом 1 января 1793г. Конвент декретирует создание еще одного комитета – Комитета общественной обороны. Согласно документу новый орган избирался из 18 депутатов, по 3 от шести комитетов – военного, морского, финансов и колоний, дипломатического, конституционного и торгового. Основная задача Комитета совместно с министрами обсуждать и выработать мероприятия предстоящей военной кампании [15, р. 376-377]. В его состав вошли Бриссо, Жансоннэ, Карсен, Барер, Дюбуа Крансе и другие. Президентом комитета на первом заседании был избран Карсен (инициировавший создание этого органа). Новому комитету предстояло усилить линию правительства в военной и дипломатической областях. Однако ему не удалось достичь единства в этих делах. Будучи почти полностью жирондистским, он оказался втянут в борьбу двух группировок, и вел многочисленные малопродуктивные дебаты. Наконец он мало занимался снабжением армий в весенней кампании 1793 г., в результате чего общественность приписала ему ответственность за поражение Дюмурье [3, с. 320]. 25 марта происходит первая реорганизация комитета с усилением его полномочий. Его численность возрастает до 25 человек (ст. 1), и все министры Исполнительного совета должны были представлять ему еженедельный отчет с разъяснениями (ст. 2 и ст.3). В свою очередь, Комитет общественной обороны имел право выступать перед Конвентом вне очереди, если этого требовала обстановка (ст. 7). Как видно из всего выше перечисленного был сделан шаг от обсуждений к частичному контролю над исполнительной властью. На этот раз в его составе было больше монтаньяров, включая Робеспьера [16, р. 491-492].

Не удовлетворившись первой реорганизацией, законодатели 6 апреля проводят вторую. На этот раз комитет получает иное название – общественного спасения. Количество членов комитета сократили до девяти (ст.1), причём избрание происходило поименно. Вот их имена:

Барер, Бреар, Гитон-Морво, Дантон, Делакруа, Дельмас, Жан Дебри, Камбон, Трейар. Главная роль отводилась «человеку 10 августа», за что вся структура неофициально получила название министерство Дантона. Полномочия комитета существенно возросли: теперь эти девять человек могли не только заслушивать правительство, но и приостанавливать действие его постановлений (ст. 2), и даже издавать собственные акты (ст. 3). Республика передавала в распоряжение комитета 100 тыс. ливров на секретные расходы (ст. 4). Стоит отметить, что были предусмотрены меры ограничивающие влияние Комитета общественного спасения. Так ему было запрещено проводить аресты (ст. 3), вторгаться в казначейство (ст. 8), да и сроки полномочий ограничивались одним месяцем (ст. 7) [9, p. 373-374].

Таким образом, к середине 1793 г. влияние Конвента на Временный исполнительный совет заметно усилилось. От наблюдения и рекомендаций перешли к отмене правительственных постановлений. Вместе с тем Комитет общественного спасения пока еще остаётся в одном ранге с остальными комитетами Национального Конвента.

Новый этап в развитии комитетов открылся после восстания 31 мая-2 июня 1793 г. Это событие привело к власти монтаньяров. Борьба «Горы» и «Жиронды» завершилась победой первых. 15 июня Комитет общественного спасения издаёт постановление о проведении ежедневных совещаний с Исполнительным советом. На брифинге каждый министр должен представить отчет о проделанных действиях [17, p. 569-570]. Нерешительные и малоэффективные действия комитета Дантона привели к его падению 10 июля. В этот день Конвент избрал новый состав Комитета общественного спасения. Поименным голосованием были выбраны: Жанбон Сент – Андре, Барер, Гаспарен, Кутон, Эро д' Сешель, Тюрио, Приер (из Марны), Сен-Жюст и Ленде [10, p. 521]. 27 июля после отставки Гаспарена его место занял Робеспьер. 14 августа в Комитет вошли Карно и Приёр из Кот де Ор. 6 сентября добавились близкие к санкюлотам Колло д' Эрбуа и Бийо - Варенн. 20 сентября Тюрио подал в отставку и членов комитета стало 12. Так произошло формирование «Великого» комитета Робеспьера. С этого дня состав его оставался неизменным вплоть до 9 термидора 1794 г. (не считая казни Эро). Внутренняя структура второго комитета была подобно структуре первого. Он был разделен на шесть секций (по два члена). Карно и Сен-Жюст входили в военную секцию, Бийо-Варенн и Колло д' Эрбуа заведовали перепиской с комиссарами. Ленде занимался вопросами продовольствия, Жанбон Сент – Андре строительством флота, а Барер и Эро занимались дипломатией. Робеспьер и Кутон ведали всем по не многу [5, с. 412-413]. В помощь секциям были созданы различные бюро (корреспонденции, военное, полиции и др.). Все бюро находились под единым руководством, его возглавлял Нюг с двумя главными секретарями: Обюссоном и Пьером. Численность сотрудников этого аппарата достигла к лету 1794 г. 418 ч. [1, с. 28].

Еще до окончательного становления революционного правления [6, с. 76] Комитет общественного спасения начинает усиливать свои полномочия. Так 26 июля после выступления Делакруа комитет получает право производить аресты [2, с. 228]. За вмешательством в дела судебной власти последовала попытка ликвидации Исполнительного совета в целом. 1 августа 1793г. с такой инициативой в Конвенте выступил Дантон. Рассуждая о сложной политической обстановке, он всячески подчеркивал, бессилие правительства и недостаток полномочий Комитета общественного спасения. Оратор предложил превратить комитет во временное правительство республики, причем все министры Исполнительного совета становились агентами правительственного комитета. Вдобавок, последнему еще предлагалось ассигновать 50 млн. ливров на секретные расходы. Предложение вызвало дискуссию среди парламентариев. Жан бон Сент Андре, Камбон и Делакруа поддержали выступающего. Робеспьер же, напротив заявил, что в настоящий момент опасно лишать доверия Исполнительный со-

вет, необходимо отправить предложение на доработку. Его поддержал Тюрио. На следующий день Эро д' Сешель выступил по этому поводу и заявил: «что мы не можем получить более высокую миссию, чем ту которую имеем» [11, р. 104-105]. В итоге было декретировано второе предложение, и Комитет общественного спасения получил 50 млн. ливров от казначейства [11, р. 138].

Тем не менее, возмущение санкюлотов 4-5 сентября заставило Конвент усилить централизацию. 13 сентября Дантон предложил, чтобы списки всех комитетов формировались Комитетом общественного спасения [12, р. 52]. Получив такое право, последний начинает формировать Комитет общественной безопасности. Конвент утверждает представленный из 12 депутатов список: Вадье, Вулан, Панис, Леба, Давид, Буше, Гюффруа, Лавиконтери, Амар, Лебон, Рюль и Бейль. 13 октября численность комитета была увеличена до 16 человек, путем включения Дюбаррана, Жаго, Луи из Нижнего Рейна и Лалуа. Окончательный состав Комитета общественной безопасности II года был сформирован в течение брюмера, когда вышли Буше, Лалуа, Лебон и вступил Лакост. Этот состав сохранился до 9 термидора, если не считать исключенных в нивозе и вантозе Паниса и Гюффруа [5, с. 401-402]. Декрет о подозрительных изменил роль Комитета общественной безопасности, превратив его в главное орудие террора [12, р. 303]. Соответственно начинает расширяться аппарат комитета, появляются свои канцелярии, агенты и секретная полиция. Наконец 19 вандемьера (10 октября) 1793г. происходит открытое наступление на конституцию и революционную демократию. Сен-Жюст от имени Комитета общественного спасения объявляет во Франции временный революционный порядок управления. Конвент под страхом террора послушно декретирует законопроект. Центральное место в последнем было уделено комитету. Исполнительный совет, министры и все учреждения теперь подчинялись исключительно децемвирам (ст.2). Главнокомандующие и генералы также назначались по представлению Комитета общественного спасения (ст. 2 и 5) [2, с. 238]. Октябрьский декрет юридически оформил режим революционного правления.

Окончательное становление последнего произошло 14 фримера (4 декабря) 1793г. после принятия декрета об организации временного порядка управления или временной конституции Робеспьера как ее впоследствии назовут. Этот закон установил предельно строгую систему управления в республике. Все органы власти и должностные лица непосредственно подчинялись правительственным комитетам (ст. 2). Отныне Комитет общественного спасения мог непосредственно заниматься дипломатическими делами (раздел 3.Ст. 1) [13, р. 630-637]. Под контроль Комитета перешли все комиссары и национальные агенты (последние назначались вместо прокуроров-синдиков). Какое же место в этой системе отводилось правительству? Этот вопрос вызвал прения. Бурдон (из Уазы) заявил: «Эти королевские паразиты, которых я хотел бы видеть раздавленными, могут только помешать революционному движению». Ему ответил Робеспьер: «При господстве свободы министры больше не являются тем, кем они были, они больше не являются агентами короля, а Конвента, это инструменты, которые Комитет общественного спасения может применить с пользой» [13, р. 630]. Таким образом, Исполнительный совет формально сохранил свои функции (ст. 4 и 5).

Декрет 14 фримера открывал Комитету общественного спасения широкие перспективы. Опираясь на этот акт, Робеспьер смог поставить под контроль всю Францию. 10 марта 1794г. издаются новые дипломатические положения. Теперь комитет подписывал все верительные грамоты посланников (ст.1), составлял для них инструкции и постановления (ст. 2 и ст.3). И даже мог вступать в непосредственные сношения с государствами (ст.4) [14, р. 276]. Декрет от 13 марта 1794г. предоставил Комитету общественного спасения право «отстранить от власти всякого чиновника, виновного в невыполнении декретов Национального конвента или

постановления Комитета...» [14, р. 277]. Руководствуясь этим декретом, были назначены глава Парижской коммуны Селье и мэр Парижа Флерио-Леско. Логическим шагом было бы официальное признание за Комитетом общественного спасения статуса правительства республики. 1 апреля 1794 г. на заседании Конвента Карно предложил расформировать Исполнительный совет и заменить министерства 12 комиссиями. Эти комиссии стали подчиняться Комитету общественного спасения (ст. 17). Большинство комиссий состояла из 2 членов и одного помощника за исключением Комиссии внешних сношений (1 человек) и Комиссии финансов (5 членов и 1 помощник). Каждая комиссия представляла ежедневный отчет о своем ведомстве (ст. 18) [14, р. 287]. Превратившись в центральное правительство комитет Робеспьера, стал вторгаться в сферу безопасности. 16 апреля 1794 г., Конвент декретировал предложение Сен-Жюста о создании бюро полиции при Комитете общественного спасения. По этому декрету надзор за органами власти отныне осуществлял только Комитет общественного спасения (ст.5). Он мог потребовать у них отчет и привлечь к суду за нарушения (ст.19) [4, с. 357]. Реализация этих мер была возложена на бюро. Оно имело штат из 30 сотрудников, включая руководителя Лежена. Правда, действия бюро полиции были более ограниченными, оно рассмотрело в четыре раза меньше дел, чем Комитет общественной безопасности (464 против 1814).

Таким образом, период якобинской диктатуры стал кульминационным для правительственных комитетов. Они превратились из рядовых структур Конвента в центральное правительство страны. Однако чрезмерная централизация привела к взаимной вражде двух комитетов. Что в свою очередь стало одной из причин падения диктатуры революционного правительства 9 термидора.

Падение якобинской диктатуры открыло третий этап в развитии правительственных комитетов. В этом плане термидорианский период является переходным между диктатурой Робеспьера и конституцией 1795 г., завершившей революционное правление. Для этого этапа характерно функционирование основных институтов революционного правительства, но с измененными функциями, направленными на снижение политического влияния. Через два дня после переворота в Конvente развернулась дискуссия о будущем Комитета общественного спасения. Прения сторон выявили три взгляда на проблему. Первый, консервативный, представил Барер [18, р. 499]. Он предложил просто заменить бывший триумvirат (Робеспьер, Сен-Жюст, Кутон) на следующих депутатов: Бернара (Сент), Эшассерио и Дюваля. При этом руководящая роль правительственного комитета сохранялась. Вторую, более радикальную позицию озвучил Камбон. Оратор предлагал сократить число всех комитетов с 21 до 12, по числу исполнительных комиссий. Но парламентарии проголосовали за компромиссный вариант Дюбуа Крансе и Дельмаса: Комитет общественного спасения сохранил свою руководящую роль, но его состав отныне подлежал ежемесячной ротации на четверть. Дельмас добавил к этому идею о повторном избрании членов комитета не ранее чем через три месяца после выбывания [18, р. 500]. 31 июля 1794 г. произошло первое с сентября 1793г. обновление Комитета общественного спасения. Конвент проголосовал за Лалуа, Эшассерио, Бреара, Тюрियो, Трейлара и Тальена [5, с. 612].

Между тем идея Камбона продолжала будоражить умы законодателей. 1 августа 1794 г. по этому поводу высказался Барер, заявив, что «Комитет общественного спасения, должен быть объединяющим центром всей деятельности...»[2, с. 280]. Таким образом, докладчик поддержал идею автора о сокращении комитетов и консолидирующей роли этого правительственного комитета. Тем не менее, депутаты не смогли достичь единого мнения по этому вопросу и отправили его на доработку. Только 7 фрюктидора (24 августа) принимается главный закон термидорианского режима – декрет о правительственных комитетах. Согласно

ему число комитетов сокращалось до 16. Комитет общественного спасения сохранялся под тем же именем (были предложения переименовать его в Центральный комитет революционного правительства) и в том же количественном составе (впоследствии он был увеличен до 16 ч.). Но при этом существенно урезались его полномочия. Отныне децемвиры могли заниматься только военными и дипломатическими делами (Ст. 1). Уменьшился и объем секретного фонда – 10 млн. (ст.2) [2, с. 282-284]. Следует отметить, что по части внешних сношений полномочия Комитета были довольно широкими. Так он участвовал в мирных переговорах с Пруссией и Испанией в первой половине 1795 г., причем, не всегда отчитываясь перед Конвентом.

Комитет общественной безопасности получил большие полномочия в противовес Комитету общественного спасения. Его численный состав возрос до 16 членов. Конечно, это было уже не то, что во времена большого террора. Но все же вся полиция Франции была под его контролем, включая право назначения полицейских комиссаров (с 14 марта 1795 г). Комитет издавал приказы об аресте и освобождения из тюрем. При необходимости для поддержания правопорядка ему вменялось право применения вооруженных сил. Только в размере секретного фонда он уступал Комитету общественного спасения -300 тыс. ливров [2, с. 282-284]. Новшеством стало появление третьего правительственного комитета – Законодательного. Насчитывая 16 членов, он получил право заниматься юстицией и наблюдать за гражданской администрацией и судами. 28 сентября 1794 г. Конвент расширил его полномочия, разрешив ему формировать списки должностных лиц в департаментах для утверждения законодательным органом. 4 марта 1795 г. новый декрет разрешает Законодательному комитету уже самостоятельно назначать муниципальных и административных чиновников [5, с. 613].

Таким образом, сложилась триединое правительство, разрушившее диктатуру Комитета общественного спасения. Новый режим сохранил революционное правление, распределив исполнительную власть между тремя выше перечисленными структурами. Исполнительные комиссии предоставляли информацию для всех 16 комитетов Конвента. В таком статусе правительственные комитеты существовали до роспуска Национального конвента 26 октября 1795 г. Комитет общественного спасения постепенно избавлялся от робеспьеристского состава. 1 сентября 1794 г. вышли Барер, Бийо Варенн и Колло. 5 марта 1795г. последний член комитета Робеспьера Карно окончательно покинул состав правительственного комитета. 26 октября 1795 г. состоялся последний сеанс Комитета общественного спасения в составе Шенье, Гурдана, Эшассерио, Тибодо, Камбасареса (президент), Берлье, Мерлена (из Дуэ), Марекка, Рёбеля, Ревельера-Лепо, Де Бри, Буасси, Турньо, Луве, Вернье, Дону, Элои и Пуасона [19, р. 692]. После этого правительственные комитеты прекратили свое существование, уступив место новому правительству – Директории.

Библиографический список

1. *Булуазо М.* Комитет общественного спасения // Французский ежегодник 1966. – М.: Наука. 1967. С. 28-65.
2. *Документы истории Великой французской революции.* Т. I. – М.: МГУ. 1990. – 526 с.
3. *Жорес Ж.* Социалистическая история Французской революции. Т. V. – М.: Прогресс. 1983. – 739 с.
4. *Захер Я.М.* Французская революция в документах 1789-1794. – Л.: Прибой. 1926. – 326 с.
5. *Олар А.* Политическая история французской революции. – М.: Государственное социально-экономическое издательство. 1938. – 950 с.
6. *Самсаров А.И.* Становление революционного правительства во Франции в 1793г // История. Общество. Политика. 2018. № 1(5). С. 76-86.

7. *Самсаров А.И.* Становление и развитие института комиссаров Французской революции в 1791-1796 гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2019. №2(40). С. 88-95.
8. Archives parlementaires de 1787 à 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. 1900. T 57. 800 p.
9. Archives parlementaires de 1787 à 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. 1902. T 61. 777 p.
10. Archives parlementaires de 1787 à 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. 1905. T 68. 800 p.
11. Archives parlementaires de 1787 à 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. 1906. T 70. 829 p.
12. Archives parlementaires de 1787 à 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. 1909. T 74. 815 p.
13. Archives parlementaires de 1787 à 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P.: Librairie administrative de Paul Dupont. 1912. T 80. 828 p.
14. Mautouchet P. Le gouvernement révolutionnaire (10 août 1792 - 4 Brumaire an IV). P.: Société nouvelle de Librairie et d'édition. 1912. 458 p.
15. Recueil des actes du Comité de Salut Public avec la correspondance officielle des Représentants en mission et le Registre du conseil Exécutif Provisoire. P.: Librairie Ernest Leroux. 1889. T 1. 826 p.
16. Recueil des actes du Comité de Salut Public avec la correspondance officielle des Représentants en mission et le Registre du conseil Exécutif Provisoire. P.: Librairie Ernest Leroux. 1889. T 2. 820 p.
17. Recueil des actes du Comité de Salut Public avec la correspondance officielle des Représentants en mission et le Registre du conseil Exécutif Provisoire. P.: Librairie Ernest Leroux. 1900. T 4. 826 p.
18. Recueil des actes du Comité de Salut Public avec la correspondance officielle des Représentants en mission et le Registre du conseil Exécutif Provisoire. P.: Librairie Ernest Leroux. 1903. T 15. 841 p.
19. Recueil des actes du Comité de Salut Public avec la correspondance officielle des Représentants en mission et le Registre du conseil Exécutif Provisoire. P.: Librairie Ernest Leroux. 1951. T 28. 737 p.

Сведения об авторе:

Самсаров Александр Ивайлович – аспирант кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия). E-mail: a.i.samsarov@gmail.com

УДК 94:63+94(574)[1943-1945]

В. С. Ешпанов

ТРУДНОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО И ЖИВОТНОВОДЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: Осмысление исторического опыта, поучительных уроков прошлого необходимо сегодня для проведения созидательной аграрной политики, адекватной интересам общества. В данной статье автор предпринимает попытку рассмотреть состояние аграрно-животноводческого комплекса в годы Великой Отечественной войны на примере отдельно взятой тыловой области. Изучена деятельность сельских тружеников в условиях перестройки целой отрасли народного хозяйства для работы в новом режиме, которая характеризуется острой нехваткой материально – технических средств, с одной стороны, и необходимостью увеличения количества сельскохозяйственной продукции, с другой. Подробно характеризуется комплекс мер по увеличению поголовья скота в военные годы, приводятся обобщающие сведения по численности поголовья и производству животноводческой продукции в исследуемый период.

Ключевые слова: Актюбинская область, Великая Отечественная война, колхоз, сельское хозяйство, животноводство.

Yeshpanov V.S. Difficulties of agricultural and livestock production Aktubinsk region at the final stage of the Great Patriotic war

Abstract: Comprehension of historical experience, instructive lessons of the past is necessary today for the implementation of a constructive agrarian policy, adequate to the interests of society. In this article, the author attempts to consider the state of the agrarian livestock complex during the Great Patriotic War using the example of a separate rear area. The activity of rural workers in conditions of restructuring of an entire branch of the national economy for work in a new regime, which is characterized by an acute shortage of material and technical means, on the one hand, and the need to increase the amount of agricultural products, on the other, has been studied. The complex of measures to increase the number of livestock during the war years is described in detail, summarizing information on the number of livestock and the production of livestock products in the study period is provided.

Keywords: Aktobe region, Great Patriotic War, collective farm, agriculture, animal husbandry.

Предшествующий период войны оказался сложным в истории Актюбинской области. В этот период были заложены основные условия для развития экономики в целях обеспечения нужд фронта и тыла и достижения победы над фашистской Германией. Планы социально-экономического развития с 1943 г., как и прежде, отражали характер военного времени и ставили задачи развития промышленности, сельского хозяйства и увеличения производственных показателей.

Как и в предыдущие годы, в 1943-1945 гг., важнейшей задачей было развитие сельскохозяйственного производства. В 1943 г. продолжилось развитие колхозного строя, принимались планы, усовершенствовалась оценка производственных показателей, что отражалось условиями военного времени. Развитие тыла было направлено на повышение показателей производства.

Таблица 1. Данные по колхозам, хозяйствам и трудоспособному населению области к началу 1943 г. [1]

Наименование районов	Число колхозов	Число хозяйств	Мужчин	Женщин
Байганинский	40	1688	1158	1489
Челкарский	38	1850	755	1369
Иргизский	64	3144	2607	2675
Карабутаский	56	2222	2034	2036
Темирский	42	1859	1527	1860
Джурунский	35	1716	1402	1764

Ключевой	59	3109	1187	3188
Уилский	72	3522	3637	5013
Хобдинский	49	3584	2609	3920
Актюбинский	3	335	231	390
Родниковский	13	1073	546	1149
Мартукский	54	3960	2664	4063
Новороссийский	36	1779	1507	1857
Степной	28	1842	1095	1964
Итого	595	31683	22959	32737

Таблица 2. Количество скота в районах Актюбинской области по состоянию на 1 апреля 1943 г. [2]

Наименование Района	Лошади				КРС				
	Всего	кобылы старше 3 лет	молодняк 1943 г.	рабочие лошади	Всего	коров	молодняк 1943 г.	рабочие волы	Быки
Байганинский	1929	602	3	528	12015	3491	934	3370	-
Челкарский	1683	463	-	580	8017	2559	729	295	-
Иргизский	3392	1088	-	1846	14956	4620	1319	1973	-
Карабутаковский	1102	339	-	525	9447	2693	461	863	-
Темирский	2958	1044	6	1183	10937	3059	949	1463	12
Джурунский	1970	671	-	1043	6983	2016	607	1212	5
Ключевой	1897	771	1	1244	13625	3668	1320	2308	17
Уилский	2902	821	1	1208	15213	3577	503	2694	-
Хобдинский	3349	1128	2	1137	14374	4208	1277	2888	2
Актюбинский	406	140	-	177	2132	547	274	413	-
Родниковский	874	355	-	476	4383	1162	436	945	-
Мартукский	3190	1110	10	1589	14200	3390	1601	2737	39
Новороссийский	1534	570	1	772	8252	2085	775	3141	49
Степной	1644	701	4	968	6170	1802	681	920	40
Итого	28830	3803	28	13476	140704	38877	11866	22422	159

Наименование района	Свиньи			Овцы			Верблюды	Ослы
	всего	матки старше 3 лет	молодняк 1943 г.	всего	матки старше 3 лет	молодняк 1943 г.		
Байганинский	6	2	3	47347	22287	4890	618	85
Челкарский	33	11	6	29152	15180	2332	800	23
Иргизский	-	-	-	32172	17186	4438	390	15
Карабутаковский	195	45	4	23774	11969	3256	261	47
Темирский	128	34	24	32596	19279	4512	778	60
Джурунский	149	55	20	22824	14044	17460	254	34
Ключевой	339	134	42	24775	13037	7109	92	7
Уилский	33	11	9	43329	23492	1127	340	51
Хобдинский	767	371	320	36824	23694	3104	424	13
Актюбинский	131	33	76	2474	1406	89	26	-
Родниковский	157	88	25	11331	6437	2084	-	-
Мартукский	1808	556	428	39427	20237	9063	87	11
Новороссийский	627	157	278	22333	14108	2887	75	18
Степной	486	226	161	10989	6800	2394	11	2
Всего	4859	1723	1396	379347	209156	49031	4156	366

Таким образом, развитие животноводства было одним из важнейших показателей в народном хозяйстве Актюбинской области. Наличие скота представляет базу для развития мясомолочной, шерстяной промышленности, кожевенного производства.

Таблица 3. Распределение земли между районами Актюбинской области в 1943 г. [3].

Наименование районов	Всего земель во владении колхозов	Пахотной			
		Всего	в том числе		
			Пашня	Залежь	Целина
Байганинский	761069	83901	22503	29758	31640
Челкарский	874412	29675	9458	14817	5400
Иргизский	1301323	571223	24785	26783	519655
Карабутацкий	998262	294484	35057	32898	226529
Темирский	700986	123079	38025	35991	49063
Джурунский	566772	181293	37725	30775	112793
Ключевой	657811	328159	69842	50839	207478
Уилский	1785320	433071	42009	27468	363594
Хобдинский	629640	193528	72973	24025	96530
Актюбинский	68663	6948	4468	1401	1079
Родниковский	215202	89914	30938	24077	34899
Мартукский	488125	186850	100597	42950	43303
Новороссийский	506644	173295	54713	22592	95990
Степной	344883	105493	43950	14370	47173
ИТОГО	9899116	2800913	587043	386804	1827066

Учет земель предполагал те территории, которые входили в состав владений колхозов, учетных земель в районах. Земли, пригодные для ведения хозяйства находились в особой категории, в т.ч. земли, которые в перспективе могли быть использованы в будущем.

Таблица 4. Наличие сельхозинвентаря и машин в колхозах области к началу 1943 г. [4]

Наименование района	Плуги	Бороны	Сеялки	Брички	Сено-косилки	Грабли	Подборники	Тракторы	Веялки	Сорти-ровки	Двигатели
Байганинский	648	582	4	123	232	90	39	-	152	2	-
Челкарский	607	430	69	78	239	106	42	1	10	12	-
Иргизский	681	1366	-	214	390	193	-	-	51	-	-
Карабутский	560	1221	3	669	329	163	93	-	12	12	8
Темирский	584	1222	37	464	252	124	82	11	27	14	14
Джурунский	590	1911	67	541	264	252	130	25	77	38	9
Ключевой	849	2735	78	546	344	208	227	23	84	28	25
Уилский	829	1449	29	344	257	67	131	13	27	49	12
Хобдинский	788	3194	117	838	431	212	307	17	117	34	29
Актюбинский	84	264	17	57	59	31	21	3	5	1	16
Родниковский	216	1799	40	278	161	95	87	11	41	11	9
Мартукский	742	4100	138	907	449	292	256	33	110	66	26
Новороссийск	456	2863	21	656	294	147	139	11	53	15	11
Степной	319	2584	46	508	242	165	142	18	62	12	10
Итого	7953	25751	666	625	3942	2145	1690	165	828	292	169

Механизация была больше развита в северных и центральных районах области, которые находились ближе к областному центру – Актюбинску. В Актюбинском районе

низкий показатель механизации объяснялся тем, что это самый маленький район в области и в его составе всего три колхоза.

Таблица 5. Количество полученного урожая в 1943 г. с земель, входящих в состав колхозов Актюбинской области [5]

<i>Наименование района</i>	<i>Зерновые культуры</i>	<i>Технические культуры</i>
Байганинский	22000	-
Челкарский	13810	-
Иргизский	24221	-
Карабутаковский	31452	100
Темирский	32370	1100
Джурунский	30573	1400
Ключевой	51035	2250
Уилский	38530	80
Хобдинский	56452	2650
Актюбинский	2696	60
Родниковский	20385	900
Мартуковский	73563	2500
Новороссийский	40374	900
Степной	33139	1060
Всего	470600	13000

Отсюда следует, что в южных районах области не было развито выращивание технических сельхозкультур, в то время, как северные районы более широко специализировались на выращивании сельхозпродукции. В южных районах больше занимались животноводством, что было обусловлено естественно-природными и географическими условиями хозяйства всех районов области.

Таблица 6. Система ирригации полива земель в области [6]

	<i>1943 год</i>	<i>1944 год</i>
Общая поливная площадь	22933	25325
В т.ч. с оросительной сетью	20551	22771
Из нее полито	9161	8465
Не поливавшиеся	11390	14360
Использованы под дворы и постройки	2383	2554

В решении Исполкома Актюбинского облсовета депутатов от 6 января 1944 года «О плане сельскохозяйственных мероприятий на 1944 год» говорится: «... принять следующие меры: ирригационное строительство, по водоснабжению, по эксплуатации существующих орошаемых участков (очистка и ремонт каналов), определение площади под посев, подготовка кадров массовой квалификации для орошаемого земледелия, о составлении чертежей по подготовке новых трубопроводных станций, и выдаче для этих мероприятий нужных средств [7].

Таким образом, очень большое внимание уделялось вопросам ирригации, так как это значительно лучше помогает орошать земли и повышать сборы урожая, особенно в засушливые годы.

В приказе №22 по Актюбинскому областному земельному отделу от 28 января 1944 г. «О выполнении плана подготовки колхозных счетоводов за 1943 год», отмечалось: «Утвержденный Казнаркомземом план подготовки счетных кадров в колхозах области на 1943 год перевыполнен на 18,2%. Отдельные районы значительно перевыполнили план: Ключевой район вместо 10 человек, по плану, подготовил 26 человек, Родниковский район вместо 8

подготовил 11. Но отдельные районы не выполнили этот план, так Байганинский район из 18 по плану, подготовлен только 4 человека, Темирский район подготовил 6 человек из 25 по плану. Факты грубого нарушения устава сельхозартели, разбазаривание колхозного имущества, продукции, низкая трудовая дисциплина среди колхозников объясняется прежде всего плохой постановкой учета и отчетности в колхозах.

Приказываю:

1. Выполнить утвержденный план подготовки колхозных счетоводов на 1944 год.
2. Обеспечить курсы счетоводов необходимыми продуктами питания.
3. За не выполнение и безответственного отношения к выполнению утвержденного плана заведующему Байганинского райсовета Жумартову объявлен выговор.
4. Предупредить об ответственности за выполнение плана».

Отсюда следует, что наличие четкой статистики всегда необходимо для точного учета продукции, имущества, машин и т.д. В связи с этим необходимо было подготовить кадры по счетоводству для создания базы верной отчетности. Счетоводы были необходимы в условиях наличия колхозной собственности, так как учету подлежали многие виды имущества, инвентаря и собственности.

Принимались решения о повышении производственных показателей улучшению севооборота, планированию сельхозмероприятий.

В решении Исполкома облсовета депутатов от 30 апреля 1944 года «О мерах по дальнейшему расширению индивидуального и коллективного огородничества рабочих и служащих», отмечалось: «Утвердить план сева, обсудить развитие индивидуального и коллективного огородничества за 1943 год, обязать облЗО, райисполкомы развернуть среди рабочих и служащих агротехническую пропаганду по распространению опыта лучших сотрудников, нести контроль за выполнением решения по данным вопросам»[8].

Как мы уже раньше отмечали, развитие личной инициативы является важнейшей задачей для развития производства и увеличения показателей. Поэтому органы власти старались развивать, с помощью пропаганды, агитации и других стимулов, именно личную инициативу трудящихся, повысить уровень соревновательности во всех сферах производства.

27 марта 1944 года Исполком облсовета депутатов принял постановление: «Об изъятии земель подхоза завода 692 под индивидуальные и коллективные огороды для рабочих, служащих и детей фронтовиков земельный участок подхоза Облторга, передать подхозу завода № 692, с возмещением капитальных затрат на основании постановления СНК СССР от 9 февраля 1944 года № 182 «О мерах по дальнейшему развитию и улучшению индивидуального и коллективного огородничества рабочих и служащих в 1944 году»[9]. Итак, развитие огородничества должно было повысить уровень производительности личного труда граждан, рабочих и служащих.

Таким образом, преодолевая трудности завершающего этапа военного времени, государственные и местные органы власти, сумели выработать целенаправленную программу развития сельского хозяйства и животноводства, Актыбинской области на ее выполнение, оказывая серьезную помощь в укреплении колхозов и совхозов руководящими кадрами, специалистами массовых сельскохозяйственных профессий, организации социалистического соревнования.

Библиографический список

1. Государственный Архив Актыбинской Области (ГААО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 41. Л. 56.
2. ГААО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 36. Л. 15.
3. ГААО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 57. Л. 19.
4. ГААО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 61. Л. 43.

5. ГААО. Ф. 9. Оп. 13. Д. 14. Л. 22.
6. ГААО. Ф. 153. Оп. 2. Д. 98. Л. 67.
7. ГААО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 70. Л. 38.
8. ГААО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 69. Л. 41.
9. ГААО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 35. Л. 24.

Сведения об авторе:

Ешпанов Владимир Сарсембаевич – доктор исторических наук, профессор, Казахский университет технологии и бизнеса г. Нур-Султан, Казахстан. WS-282@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ООН И ДРУГИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ

Аннотация: В статье характеризуются существующие способы регулирования миграции в международном праве и преобразования в рамках Нью-Йоркской декларации 2016г. и глобального договора о беженцах 2018г. Отдельное внимание уделяется одной из проблем – вопросу безопасного возвращения беженцев на родину.

Ключевые слова: международное право, международная миграция, беженцы.

Vlasov G.V. Denisov S.V. Activities of the UN and other organizations in the field of migration.

Abstract: The article describes the existing ways of regulating migration in international law and transformations after the New York Declaration of 2016 and the Global Compact on Refugees of 2018. It also describes the main problem in the safe return of refugees to their homeland.

Keywords: International Law, International Migration, Refugees

Проблема миграции и способов её регулирования стала еще актуальнее в прошлом десятилетии, вытекая из “Арабской Весны” и усиления различий Севера и Юга. Возникают все новые волны беженцев при том, что до сих пор трудно предоставить им возможность безопасного возвращения, особенно если речь идет о выходцах из арабских стран.

Отечественные исследователи проявляли определенный интерес к изучению этой проблемы. Данная работа частично основана на исследовании И.Р. Минигуловой «Международно-правовое регулирование миграции в рамках деятельности организации Объединённых Наций и международной организации по миграции», посвященной анализу современных способов правового регулирования миграции. Автор в рамках своего исследования подчёркивает важность рассмотрения вопросов миграции в современном международном праве, а также указывает на то, что ООН стремится улучшить отношение к мигрантам в общественном сознании [4].

Работа А. Ю. Ястребовой «Международно-правовое регулирование миграции: эволюция, основы, иммиграционные приоритеты Российской Федерации и стран Европейского Союза» соотносит международное и национальное миграционные права стран Европы, подчёркивая ту проблему, что страны Западной Европы «всё более движутся к закрытию своих границ для граждан третьих стран»[6, с 95].

Наряду с этим в статье представлен анализ существующих способов регулирования международной миграции и предложение возможных преобразований в рамках Нью-Йоркской декларации 2016 г. Также здесь затрагивается тема беженцев и возможности создания условий для их безопасного возвращения на родину. Историографический обзор темы позволяет сделать вывод о наличии определенного интереса к заявленной проблематике.

Очевидно, что в наши дни миграция, как и многие другие процессы, регулируется международным правом. Логически «вырастая» из Всеобщей декларации прав человека ООН, основные международно-правовые документы тех лет – Конвенция о статусе беженцев 1951 г. [1] и Конвенции МОТ о трудящихся-мигрантах № 97 1949 г. и №143 1975 г. – ставят в центр всего конструкта международного сотрудничества по соответствующим вопросам права человека. Так, Конвенция о беженцах предусматривает, что беженцам должно предоставляться наиболее благоприятное правовое положение в отношении получения правового статуса, трудоустройства, обеспечения жильем, получения образования и т.д. [1]. Так что можно говорить, что систематизируя процесс миграции, ООН и Международная организация по миграции (далее-МОМ) увеличили её потоки, сделав более доступным процессом.

Важным направлением правового регулирования миграции является трудовая миграция. Сейчас в мире работают, по меньшей мере, 150,3 млн. трудовых мигрантов [6, с 12]. Для создания равных условий работы среди мигрантов и местных трудящихся в 1990 г. была принята Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей. В том числе и на ее основе МОМ осуществляет защиту трудовых мигрантов при помощи более 400 офисов в разных странах мира [7].

Совсем недавно был выведен из оборота термин «нелегальный мигрант», как дискриминационный. Он заменен на более лояльные к человеку термины «нерегулярный мигрант», «недокументированный мигрант», «мигрант с неурегулированным статусом», «незаконный мигрант». В статье А.Ю. Ястребовой отмечено, что данный термин не использовался в России еще при написании федеральных законов о беженцах и вынужденных переселенцах 1997 г. [6, С.97].

Совокупность норм международного права, которые служат основой для политики и практики в области миграции включает в себя следующее: международное право в области прав человека, международное трудовое право и стандарты, международное беженское право, международное уголовное право, международное гуманитарное право, международное консульское право и международное морское право. Нет никакой ситуации, с которой может столкнуться мигрант, связанной с его статусом, которая не была бы рассмотрена этими нормами.

Если говорить о самых очевидных поводах для миграции, то мы называем два фактора: бедность и политическая нестабильность. Собственно, поэтому международное сообщество, следующее основополагающим принципам международного права, стремится к искоренению нищеты. Механизм реализации этой деятельности отражен в Концепции устойчивого развития ООН. Из этого мы делаем вывод, что мировое сообщество стремится уменьшить миграцию путем устранения ее причин.

Международно-правовое регулирование миграции осуществляется в рамках деятельности Организации Объединённых Наций (ООН) и Международной организации по миграции [2]. Основными целями МОМ, согласно уставу, являются:

1. Управление миграцией в интересах всех вовлечённых сторон;
2. Тесное сотрудничество с правительствами стран, представление и защита интересов людей, выбравших для себя миграцию как единственно правильное решение;
3. Предотвращение и борьба с феноменом торговли людьми (международное понятие «трафик»).

Следовательно, МОМ занимается созданием условий, при которых миграция станет процессом, в котором нет проигравших ни среди стран, ни среди мигрантов. МОМ требует от государств-членов (список которых в 2021 г. пополнила и Россия) заботы о правах мигрантов на достойное обращение, равную оплату труда, медицинское обеспечение и образование.

Важный момент в международном миграционном праве — дифференциация беженцев и мигрантов. Организация Объединённых Наций определяет мигранта как лицо, проживающее в чужой стране в течение более одного года, независимо от причин и методов миграции. Беженцем же является лицо, которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений.

Деятельность ООН по регулированию вопросов мигрантов продолжается и по сей день. В 2016 году была одобрена Нью-Йоркская декларация, направленная на расширение возможностей мигрантов и беженцев: скорейшее получение образования в принимающей стране, возможность перемещения в третьи страны. Помимо этого, декларация направлена на оказание поддержки принимающим странам — тем самым делая принятие беженцев менее затратным процессом.

В 2018 году был утвержден глобальный договор о беженцах, вытекающий из Нью-Йоркской декларации. В нем была добавлена еще одна цель — содействие созданию в странах происхождения условий для безопасного и достойного возвращения. Так ООН обозначает, что этот договор служит трем ключевым целям:

- 1) ослабить нагрузку на принимающие страны;
- 2) повысить способность беженцев обеспечивать самих себя;
- 3) расширить использование решений, предусматривающих доступ в третьи страны; и
- 4) содействовать созданию в странах происхождения условий для безопасного и достойного возвращения [3].

Таким образом, современное международное право перестало стремиться к предоставлению прав беженцев, делая больший акцент на их самостоятельность, а также фокусируясь на заботе о принимающих странах и восстановлении стран из которых исходят беженцы.

На данный момент точно неизвестно, как можно лучшим способом реализовать эти пункты, но можно прогнозировать возможные решения. Ослабление нагрузки на принимающие страны может осуществляться путем увеличенных взносов со стороны стран-участниц МОМ, в которых находится наименьшее число беженцев.

Больше всего вопросов вызывает четвертый пункт целей договора. Пока непонятно, как можно содействовать безопасному возвращению политических беженцев без вмешательства во внутренние дела их родных стран. Как это зачастую бывает, международное право вступает в конфликт с национальным, что тормозит инициативу МОМ.

Если приводить конкретные примеры, то недавняя волна беженцев из Афганистана не может вернуться обратно, пока не будет уверена, что новое правительство сохранит их жизнь и не арестует по прибытии. При этом, хотя представители Талибана (организация, запрещенная в РФ) всеми силами стремятся легитимизировать себя в международных отношениях, нет способа заставить их гарантировать возможность безопасного возвращения беженцев. Конкретно в этом примере ООН может предложить Талибану возможность отправить своего представителя в Генеральной Ассамблее взамен на гарантии для беженцев. Однако, как свидетельствуют материалы публикаций в электронных СМИ, в «ООН приняли резолюцию, согласно которой организация отложила принятие решения о том, кто будет представлять Афганистан и Мьянму в ее рядах» [5]. Следовательно, пока нет универсальной методики по созданию условий возвращения политических беженцев, не отработан механизм практической реализации принятых решений, их численность продолжит расти.

Библиографический список:

1. Конвенция о статусе беженцев. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 20.01.2022.)
2. Международная Организация по Миграции (Бюро в РФ). URL: <https://moscow.iom.int/> (дата обращения: 26.12.2021.)
3. Глобальный договор о беженцах. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев. Часть II, 17 декабря 2018, A/73/12 (Part II). URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/5c7556ec395.html>(дата обращения 20.01. 2022)

4. *Минигулова И.Р.* Международно-правовое регулирование миграции в рамках деятельности организации Объединённых Наций и международной организации по миграции // Международное право и международные организации. 2019. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie-migratsii-v-ramkah-deyatelnosti-organizatsii-obedinyonnyh-natsiy-i-mezhdunarodnoy-organizatsii> (дата обращения: 31.01.2022).
5. Талибы намерены получить представительство в ООН // Ведомости 07.12.2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2021/12/07/899326-talibi-namereni-poluchit-predstavitelstvo-v-oon-organizatsii> (дата обращения: 21.01.2022).
6. *Ястребова А.Ю.* Международно-правовое регулирование миграции: эволюция, основы, иммиграционные приоритеты Российской Федерации и стран Европейского Союза // Международные организации, международное право и внутригосударственное право. – 2012. – № 1. – С. 91-99.
7. The International Organisation for Migration. URL: <https://www.iom.int/constitution> (дата обращения: 27.01.2022.)

Сведения об авторах:

Власов Гордей Власович, студент факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Денисов Сергей Иванович, доцент кафедры теории и истории государства и права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, кандидат исторических наук, доцент. *E-mail* sergeidenis@yandex.ru

Культурная история

УДК 94(420)(=916)"17/19"(045)

Н. Ф. Шестакова

КЕЛЬТСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ: ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ¹

***Аннотация:** Статья посвящена историографическому обзору проблемы хронологических рамок и периодизации Эпохи кельтского ренессанса. Автор не только освещает мнение зарубежных, преимущественно британских, историков по данному вопросу, но и обосновывает свою точку зрения относительно основных периодов движения за возрождение кельтской культуры и языков на территории Британских островов. Наконец, значительное внимание в публикации уделяется выявлению основных причин и предпосылки возникновения этого исторического явления.*

***Ключевые слова:** Кельтское возрождение, идентичность, национализм, интеграционная политика, Великобритания, кельтомания.*

Shestakova N. F. The celtic revival in the Great Britain: the problem of chronology and periodization

***Abstract:** The article is devoted to a historiographical review of the problem of chronological framework and periodization of the Celtic Renaissance. The author not only highlights the opinion of foreign historians, but also substantiates his point of view regarding the main periods of the movement for the revival of Celtic culture and languages in the British Isles. Finally, the author reveals the main causes of this historical phenomenon.*

***Key words:** Celtic revival, identity, nationalism, integration policy, Great Britain, Celtomania.*

Кельтский ренессанс являлся одним из главных феноменов британской культуры середины XVIII – начала XX вв. Он представлял собой движение за возрождение культуры кельтов, которое охватило не только территорию Британских островов, но также Европу и Америку. В представлении сторонников движения древность и раннее средневековье служили «золотым веком» для народов британской периферии. Это был период существования уникальной кельтской цивилизации, которая по значимости, как они считали, не уступала греко-римской цивилизации. Образы древнего и раннесредневекового прошлого, мифы и их герои служили неиссякаемым источником вдохновения не только для ирландских, шотландских и валлийских интеллектуалов, но и для английских деятелей науки и искусства.

Каждый из них использовал кельтское наследие в своих целях. Синтез культур жителей Британских островов должен был стать основой для формирования единого британского народа. В рамках своей имперской идеологии, в которой важное место было отведено кельтскому компоненту, Великобритания позиционировала себя наследницей Рима, активно пропагандируя и поддерживая артурианский миф о существовании империи, объединяющий не только территорию двух островов, но и часть континента. Английская церковь свою независимость от католической церкви также могла обосновать, сославшись на исторический прецедент, а именно на существование в первые века нашей эры независимой кельтской церкви. В то же время корона пыталась ликвидировать культурную инаковость и самобытность малых народов Британии, например, запрещая им употребление родного языка, служащего их культурным кодом. Угнетение и притеснения жителей периферии со стороны британских

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-78-00038, <https://rscf.ru/project/21-78-00038/>

властей привели к ответной реакции – росту национализма и стремлению любыми средствами сохранить свою идентичность.

Таким образом, на протяжении середины XVIII – начала XX вв. шел процесс, с одной стороны, становления кельтских наций, с другой, формирования единого британского народа. Под давлением английской колониальной пропаганды, изображающей жителей периферии отсталыми в развитии дикарями, кельтские народы выбрали разные пути развития. Шотландцы и валлийцы предпочли стать частью цивилизованного и развитого британского общества, отстаивая свой язык и самобытность. Ирландцы же жаждали избавиться от господства короны и построить свое независимое государство, основываясь на идее о существовании в древности независимой и уникальной гэльской цивилизации, которая служила центром распространения знаний и учености на весь кельтский мир.

Британская культура Эпохи кельтского возрождения служит рецепцией образов древнего и раннесредневекового прошлого. Однако деятели этого движения не ограничились только репрезентацией сюжетов и героев ранней истории. Они изобретали новые традиции, заведомо превращая их в анахронизмы. Разрыв с прошлым наиболее остро был ощутим в середине XVIII – начале XIX вв. Прежний мир, наполненный древними сказаниями и традициями, исчезал одновременно с медленным угасанием кельтских языков: гэльского и валлийского.

Культурный упадок и угроза исчезновения языка как раз и стали толчком к началу Кельтского возрождения. Этот кризис был обусловлен целым рядом причин, которые могут различаться, исходя из ситуации конкретно взятого региона. Наиболее тяжелым было положение в Ирландии. Колонизация острова англичанами, пик которой приходится на XVII в., сопровождалась сгоном местных жителей с земли. Далее следовало принятие правительством целого ряда Карательных законов, которые значительно ограничили права местного католического населения [8, р. 53]. Католикам было запрещено занимать какие-либо политические должности и служить в армии. В итоге в ирландском парламенте заседали в основном протестантские лендлорды, преимущественно выходцы из Англии. В начале XIX в. британское правительство навязало Ирландии школьную систему образования, в рамках которой обучение велось только на английском языке. Изучение гэльского языка и истории было запрещено. Наконец, стоит отметить, что к XVIII в. прекратили свое существование бардовские школы. Поэты еще с древности выступали в ирландском обществе в качестве хранителей памяти о прошлом. Но лишившись своих покровителей, они постепенно превратились в бедных и бродячих менестрелей. А вскоре и вовсе исчезли, как и те знания, хранителями которых они являлись [6, р. 28].

Как и в Ирландии, поэтическая традиция в Уэльсе также пришла в упадок. Фестиваль валлийской музыки и поэзии Айстедвод превратился во встречи местных поэтов в пабах. Под действием методизма, осуждавшего веселье и пережитки языческой культуры, многие традиции и обычаи начали исчезать. Валлийцы покидали свои родные места и устремлялись в Лондон. В южную часть края, богатую углем и имеющую экономические перспективы, стали переселяться англичане. Британское правительство в Уэльсе, также как и в Ирландии, запрещало в школах обучение на валлийском языке, считая, что он является главной причиной отсталости этого народа и поводом для устраиваемых в регионе беспорядков. В конце XIX в. валлийцы будут стремиться расширить свое влияние в парламенте и добиться большей самостоятельности в решении внутренних вопросов.

Что касается Шотландии, то восстание якобитов 1745–1746 гг. стало рубежом, отделяющим эпоху господства феодального строя от нового буржуазного этапа развития, когда северный регион Британии стал на путь модернизации [18, р. 150]. Этот край до второй поло-

вины XVIII в. состоял из двух полярных миров: Хайленда, где сохранялась клановая система и феодальные пережитки, и Лоуленда, который был урбанизированным и более экономически развитым регионом. С подавлением восстания героический мир горцев канул в лету. Началась миграция населения Высокогорья в процветающие города Англии и Нового Света. Шотландия стала превращаться в гармоничную часть Британской империи, в мощный коммерческий, научный и индустриальный центр с сохранением отдельной административной и политической системы.

Таким образом, подводя итог относительно причин начала Кельтского возрождения, можно констатировать факт, что оно было обусловлено упадком языка и культуры жителей периферии, что, в свою очередь, было связано с колониальной и интеграционной политикой британской короны, индустриализацией и урбанизацией, которые способствовали изменению привычного мира и порядка сельских обывателей.

На сегодняшний день в зарубежной исторической науке еще не было предпринято попытки фундаментального исследования Кельтского возрождения, которое охватило бы сразу историю трех регионов Британии: Шотландию, Ирландию и Уэльс. В основном специфика этого культурного явления рассматривается в отдельно взятом регионе. Дискуссионным остается вопрос о периодизации движения за возрождение кельтской культуры. До сих пор в зарубежной историографии не было установлено четких хронологических рамок этого явления и его основных этапов развития.

Стоит заметить, что в истории Ирландии выделяется период так называемого Гэльского возрождения конца XIX – начала XX вв., которому посвящены многочисленные труды преимущественно ирландских историков. Тем не менее в их работах хронологические рамки этого периода могут значительно варьировать. Историк Дж. Хатчинсон в труде «Динамика культурного национализма и становление Ирландского национального государства в период Гэльского ренессанса» выделяет несколько этапов возрождения, в котором переплетаются друг с другом культурное и политическое направления. В рамках выделенных периодов автор рассматривает становление и эволюцию ирландского национализма от романтического до радикального. Историк выделяет следующие этапы Кельтского возрождения:

1. Ирландское возрождение XVIII в. – период, связанный с историческими сочинениями Чарльза О'Конора, Сильвестра О'Халлорана и Чарльза Валланси, в которых ирландцы выступали в качестве потомков финикийцев, представителей загадочной цивилизации, берущей свое начало на Ближнем Востоке. Их целью было примирить ирландских католиков и английских протестантов за счет обращения к древнему прошлому. В политическом плане этот этап был связан с деятельностью Генри Грэттена, который возглавил «патриотов» в борьбе за законодательную независимость, равноправие католиков с протестантами и реформу избирательного права. Однако после восстания 1798 г. последовало заключение Акта об унии 1801 г., упразднение ирландского парламента, а также политическая и экономическая интеграция Ирландии в состав Британской империи;

2. Второе ирландское возрождение 1830–1848 гг. – период, который характеризуется движением за эмансипацию католиков во главе с Д. О'Коннеллом. В культурной сфере протестантский художник и антиквар Дж. Петри, с целью объединить ирландцев, разделенных по религиозному признаку, объявил «золотым веком» в истории Ирландии раннесредневековую христианскую цивилизацию, которая своим благочестием и преданностью искусству и знаниям могла привлечь внимание как протестантов, так и католиков.

3. Гэльское возрождение 1890–1921 гг. – период, ознаменовавшийся созданием национального театра и расцветом ирландской литературы, представленной творчеством таких известных писателей, как У. Б. Йейтс, Дж. О. Мур, И. Грегори, Дж. Джойс и др. На данном

этапе разворачивается война за независимость 1919–1921 гг., завершившаяся подписанием англо-ирландского договора и провозглашением Ирландии доминионом [8].

В свою очередь, А. Мерфи утверждает, что культурный кризис послужил двигателем для Гэльского литературного возрождения. Ученый рассматривает эволюцию ирландского национализма с 1790 г. по 1930 г. [13]. Другой историк, Т. Макмэн, оценивая значение Гэльского возрождения в формировании ирландской национальной идентичности, ограничивался 1893–1910 гг., а именно временем деятельности Гэльской лиги по сохранению родного языка и культуры [10]. Филолог Ф. О’Лири, анализируя прозаическую литературу, датировал Гэльское возрождение 1881–1921 гг., т. е. периодом, верхней рамкой которого является закрытие земельной лиги и арест Парнелла, а нижней рамкой – провозглашение Ирландии доминионом [14]. Эта датировка довольно близка точке зрения Дж. Фостера, который расцвет ирландской литературы относил к 1880–1920 гг. [5].

У Гр. Касла Кельтское возрождение совпадает с Эпохой модернизма конца XIX – начала XX вв. и творчеством таких писателей, как У. Б. Йетс, Дж. Синдж и Дж. Джойс. В своем труде исследователю удалось продемонстрировать, как представители модернизма использовали разработанные в антропологии текстовые формы и риторические модели для перевода и редактирования ирландского фольклора [3]. В книге «Католическая церковь и Кельтское возрождение в Ирландии, 1848–1916 гг.». К. Коллинз оценивает вклад священнослужителей в сохранение языка и культуры Ирландии XIX – начала XX вв. [4]. В другой работе «Кельтское наследие. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе» А. и Б. Рисы анализируют фольклор и устную традицию, которая сохранялась на территории кельтской периферии вплоть до начала XX в. [17]. Наконец, П. Дж. Мэтьюз в своем труде отмечает, что расцвету ирландской культуры в конце XIX в. предшествовал период активной политической деятельности Парнеллитов, которые хотели продвинуть в парламенте земельный вопрос. Автор считает, что после смерти Парнелла в 1891 г. и вплоть до основания в 1905 г. Шинн Фейн лидеры ирландского общественного мнения, разочаровавшиеся в политике, стремились выразить свои политические устремления посредством культуры, способствуя тем самым ее развитию [9].

В трудах некоторых зарубежных исследователей под Кельтским возрождением понимается развитие британской культуры в Эпоху Романтизма конца XVIII – начала XIX вв. В труде «Английский Романтизм и Кельтский мир» Г. Каррутерс обращается к взаимодействию английских писателей Эпохи Романтизма (Блейка, Вордсворта, Байрона и Шелли) с кельтской культурой [2]. По мнению автора, кельтизм XVIII в. оказал сильное влияние на творчество этих писателей, а следовательно и на развитие культуры Великобритании в целом. В свою очередь, в сборнике статей под редакцией Т. Брауна также рассматривается кельтомания как основа культурного национализма, а также уделяется внимание его влиянию на становление европейской культуры XVIII в. [1]. Валлийский исследователь П. Морган Эпоху кельтского возрождения в Уэльсе датировал XVIII в. В своем труде «Ренессанс XVIII в.» (1981) он выдвинул гипотезу о том, что этнокультурная идентичность народов Уэльса из-за распространения методизма и начала процесса индустриализации оказалась под угрозой полного уничтожения и была искусственно реконструирована местными патриотами и интеллектуалами [11]. Историк М. Питток, в свою очередь, использует понятие «кельтское возрождение» применительно к концу XIX в., указывая на роль кельтомании в развитии шотландского и ирландского национализма, а также в росте национального самосознания народов окраинных регионов Британии [15]. Ученый Д. Моррисон выявляет роль расцвета художественного искусства в конце 1800–1920 гг. на эволюцию шотландской идентичности [12]. Другой исследователь, Э. Пул, утверждает, что культура Кельтского возрождения XIX–XX вв. носила романтический характер и тесно переплеталась с курсом национальной поли-

тики малых народов [16]. Наконец, Хантер в труде «Кельты: искусство и идентичность» рассматривает рецепцию кельтского прошлого и наследия в европейской и, в частности, британской культуре середины XVIII – начала XX вв. [7].

Если говорить в целом, обобщая большинство имеющихся на сегодняшний день исследований, то Кельтское возрождение можно датировать серединой XVIII – началом XX вв. В то же время стоит заметить, что часто зарубежные историки и филологи подразумевают под периодом культурного ренессанса Эпоху Романтизма или Национальное возрождение, связанное с ростом национализма и борьбой народов британской периферии за автономию или независимость.

В зарубежной историографии чаще всего началом Кельтского возрождения принято считать середину XVIII в. Его отправной точкой является выход в свет в 1757 г. оды «Бард» Томаса Грея, а также публикация Дж. Макферсоном в 1761 г. поэм Оссиана, которая приведет к спору среди британских интеллектуалов относительно подлинности и степени архаичности поэтической традиции ирландцев, шотландцев и валлийцев. Верхней хронологической рамкой Кельтского возрождения выступает начало XX в., а именно 20-е гг., которыми завершается Гэльский литературный ренессанс в Ирландии и Эпоха расцвета стиля модерна в художественном искусстве представителей Школы Глазго.

По нашему мнению, Кельтское возрождение можно разделить на два этапа:

1. 50-е гг. XVIII в. – 80-е гг. XIX вв. – «расцвет антикварианизма» в Великобритании. На этот период приходятся археологические экспедиции на территории Британских островов, изучение мегалитических памятников, сбор, исследование и публикация народных сказок, былин, поэзии, предметов старины, открытие антикварных обществ, появление трудов, посвященных происхождению народов периферии и их языка, развитие печатного дела, начало формирования пантеона национальных героев и символов.

2. 90-е гг. XIX – 20-е гг. XX вв. – литературный и художественный ренессанс. Этот период связан с расцветом литературы в Ирландии и художественного искусства в Шотландии, в которых были запечатлены кельтские мотивы. На это же время приходится развитие национализма, а также движение за автономию. Образуются институты и организации, нацеленные на сотрудничество и продвижение кельтских языков и культуры (например, Кельтский конгресс).

Таким образом, в середине XVIII в. в Великобритании посредством развития антикварианизма и археологических исследований начался расцвет кельтской культуры, в разных сферах которой нашли отражение друидизм и образы древней Британии. Кельтомания породила целую плеяду знаменитых британских и ирландских писателей (В. Скотт, У. Б. Йейтс, О. Уайльд, Дж. Джойс, А. Теннисон, Р. Саути, У. Вордсворт, Р. Бёрнс и др.), художников (Дж. Пикок, Дж. Дункан, Дж. Генри и Э. Аткинс Хорнел) и скульпторов (Дж. Э. Томас, О. Шеппард, Г. К. Селус и др.). Осознание своей культурной и исторической уникальности народами кельтской периферии привело к росту их самосознания и становлению панкельтизма, направленного на борьбу против колониализма и гнета английской короны, а также против разрушающего воздействия модернизации (индустриализации, урбанизации) на самобытность валлийцев, шотландцев и ирландцев. В свою очередь, неоднородные традиции разных этносов вливались в единую британскую культуру под напором формирующегося индустриального общества, которое способствовало возникновению единого народа. В результате этого многие кельтские образы прошлого, герои, традиции и символы стали яркими элементами британской идентичности. Опыт Великобритании интересен тем, что он демонстрирует то, как титульная нация может использовать историческое наследие национальных меньшинств в целях формирования единого культурного пространства и поддержания це-

лостности государства. И в то же время он раскрывает механизм самоидентификации малых народов в условиях интеграционной политики власти.

Библиографический список

1. *Brown T.* Celticism. Amsterdam: Rodopi, 1996. 299 p.
2. *Carruthers G., Rawes A.* English Romanticism and the Celtic World. Cambridge, Cambridge University Press, 2003. 265 p.
3. *Castle G.* Modernism and the Celtic revival. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. 312 p.
4. *Collins K.* Catholic Churchmen and the Celtic Revival in Ireland, 1848–1916. Dublin: Four Courts Press, 2003. 203 p.
5. *Foster J.* Fictions of the Irish Literary Revival: A Changeling. Syracuse: Syracuse University Press, 1993. 428 p.
6. *Gwynn D.* Edward Martyn and the Irish Revival. L., 1930. P. 28.
7. *Hunter F.* Celts: Art and Identity. L.: British Museum Press, 2015. 304 p.
8. *Hutchinson J.* The dynamics of cultural nationalism the Gaelic revival and the Creation of the Irish Nation State. L., 1987. 343 p.
9. *Mathews P. J.* The Abbey Theatre, Sinn Fein, the Gaelic League and the Cooperative Movement. Indiana: University of Notre Dame Press, 2003. 280 p.
10. *McMahon T. G.* Grand Opportunity. The Gaelic Revival and Irish Society, 1893–1910. N. Y.: Syracuse University Press, 2008. 356 p.
11. *Morgan P.* The Eighteenth Century Renaissance. Llandybie, C. Davis, 1981. 174 p.
12. *Morrison J.* Painting the nation: identity and nationalism in Scottish painting, 1800–1920. Edinburg: Edinburg University Press, 2003. 257 p.
13. *Murphy A.* Ireland, Reading and Cultural Nationalism, 1790–1930: Bringing the Nation to Book. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 262 p.
14. *O'Leary P.* The Prose Literature of the Gaelic Revival, 1881–1921: Ideology and Innovation. Pennsylvania: Penn State University Press, 1994. 540 p.
15. *Pittock M.* Celtic Identity and the British Image. Manchester: Manchester University Press, 1999. 180 p.
16. *Poole E.* To what extent was the Celtic Revival romantic and antiquarian or practical and political? URL.:
https://www.academia.edu/7267524/To_what_extent_was_the_Celtic_Revival_romantic_and_antiquarian_or_practical_and_political
17. *Rees A. & B.* Celtic heritage: ancient tradition in Ireland and Wales. L.: Thames and Hudson, 1961. 427 p.
18. *Vasconcelos S. G. T.* Wavering over Borderlines: History and Fiction in Walter Scott // A Journal of English Language, Literatures in English and Cultural Studies. 2009. № 57. P. 139–150.

Сведения об авторе:

Шестакова Надежда Федоровна, кандидат исторических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург. E-mail: shestakovanf@mail.ru

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ БОУЛСПОРТА В МИРЕ

Аннотация: в статье раскрыты основные этапы исторического развития вида спорта «боулспорт» и его дисциплин в мировой практике. Представлен механизм формирования современных международных спортивных организаций.

Ключевые слова: боулспорт, Древний Рим, бочче-раффа, петанк, бочче-воло, Средние века, шары.

Shafenkova I.V. The history of the development of bowlsport in the world.

Abstract: the article reveals the main stages of the historical development of the sport «bowlsport» and its disciplines in world practice. The mechanism of formation of modern international sports organizations is presented.

Keywords: bowlsport, Ancient Rome, bocce-raffa, petanque, bocce-volo, middle Ages, bowls.

Первые следы игровой деятельности, которые вероятно представляют собой самое древнее свидетельство об игре в шары, датируются 7000 г. до н.э. В неолитическом малоазиатском городе Чатал Хуюк (современная территория Турции) были обнаружены каменные сферы, на которых отчетливо видны следы качения по твердой поверхности [3, S.17]. Известны фрески и барельефы, датированные II тыс. до н.э. изображающие древних египтян, использующих в игре круглые камни. По этнографическим сведениям игра в шары присутствует у детей в племенах Полинезии, у эскимосов Гренландии и других этносов Земли [8, С. 313]. Таким образом, зарождение сходных игр происходило независимо у различных, удаленных друг от друга народов, что может свидетельствовать о том, что в ментальной основе игры в шары лежат некие базовые древнейшие архетипы человеческого сознания. Возможно, это связано с уникальной способностью шара катиться.

Существуют свидетельства того, что античные греки и римляне также играли в шары. Один из первых письменных источников, в котором упоминается игра с каменными шарами, принадлежат греческому врачу Гиппократу, который хвалит ее и рекомендует в качестве полезного для здоровья занятия [9]. В приписываемой Гомеру «Илиаде» рассказывается, как в военном лагере у стен осажденной Трои Ахиллес и его соратники в часы досуга катали шары из камня, соревнуясь на дальность. Это, кстати, опровергает расхожую легенду, о том, что якобы игра в шары была принесена в Грецию только воинами Александра Македонского.

Значительное развитие в качестве и правилах боулспорт приобрел в Древнем Риме. Если греки демонстрировали силу, бросая округлые камни как можно дальше, то римляне соревновались в меткости. Римские legionеры состязались на точность, бросая камень или каменный шар, а позже деревянные шары, окованные железом, как можно ближе к какому-либо предмету. Центурионы всячески поощряли такое увлечение солдат, поскольку таким способом прекрасно развивались и меткость, и глазомер, и координация движений, так необходимые хорошему воину. Известно, что игра с бросанием каменных и деревянных шаров уже во времена Пунических войн между Римом и Карфагеном (III в. до н. э.) была популярна среди римских солдат. Именно римские legionеры распространили игру в Галии и Великобритании, откуда в дальнейшем пошло распространение боулспорта [6, p.18].¹

Заслуга римлян в том, что они первыми стали применять в игре не только каменные, но и деревянные шары. Игра захватывает разные слои населения, так для римского поэта Публия Овидия Назона это было любимым времяпрепровождением во время изгнания на берега Черного моря. Император Август использовал для игры шары, изготовленные из корня

¹ Здесь самое время пояснить, что называя игру боулспортом, мы имеем в виду общее название игр в шары, в дальнейшем получившие свои современные названия (петанк, бочче-раффа и бочче-воло).

оливкового дерева. Играл в шары и римский префект Иудеи Понтий Пилат, а древнеримский медик Гален вслед за своим греческим коллегой Гиппократом тоже советовал играть в шары молодым и пожилым, для поддержания и укрепления своего здоровья [5, S.83]. Краткое описание игры в шары нашло место и в книге 9 («Административное деление. Город. Ответственные здания. Игры детей и взрослых») написанного Юлием Поллуksom из египетского Навкратиса во II в. н.э. десятитомного «Ономастикона». Согласно этому описанию, к сожалению дошедшему до нас только в латинском переводе с греческого, два игрока бросали в отдаленный камень свои каменные шары.

Рис.1. Игра в бочке в Древнем Риме (барельеф на саркофаге из Флоренции, I в.н.э., Лувр)

Рис.2. Игра с шарами на миниатюре из средневекового манускрипта

В Средние века боулспорт становится массовым увлечением: в шары играли на улицах, площадях и в замках. Игра очаровывала как дворян, так и простолюдинов. Такое времяпрепровождение не презирали даже духовенство и дамы [4, S.23]. В 1299 г. в Саутгемптоне (Англия) открывается первый клуб для игры в шары: Old Bowling Green. А в 1554 г. в деревне Пейнсвик (Котсуолдс, Англия) был открыт трактир «Falcon Inn», на заднем дворе которого расположилось поле для игры в шары. Оно считается самым старым действующим полем для игры в шары на открытом воздухе в Британии [7]. Английские аристократы отдыхали и развлекались здесь после охоты.

Большой интерес к боулспорту широких слоев населения, как это часто бывает, привел к последующим запретам и санкциям. Причиной послужило то, что новоявленные игроки, увлекшись, забывали о своих рабочих обязанностях и даже о несении воинской службы. Крестьяне не обрабатывали поля, пошла черед отступничеств, нередко возникающие в ходе азартной игры споры доходили до свар и драк. Запреты сопровождали боулспорт на протяжении всего периода развития. Среди наиболее непреклонных в плане неприятия увлекательной игры, которая «отдаляет людей от более нужных упражнений для защиты королев-

ства», мы находим французских королей Карла IV Красивого (1319), Карла V Здорового (1369) и английских королей Эдуарда III (1329), Ричарда II (1388), Генриха IV (1401) и Генриха VIII (1511) [5, S.85]. Уже в 1576 г. венецианские дожи выступают с тяжелым манифестом против «большой опасности шаров». К счастью, выступление дождей стало практически последним негативным откликом властей. В это время игра в шары уже распространилась по большей части Западной Европы.

Рис.3. Трактир Falcon Inn в деревне Пейнсвик, во дворе которого было создано первое в Британии поле для игры в шары на открытом воздухе (фото И. Соколовской).

Невзирая на столь «высокопоставленный» негатив, многие видные люди в те времена отдавали свои голоса за боулспорт. Так врачи из Университета Монпелье во Франции были убеждены, что игра в шары является прекрасным средством для профилактики и лечения ревматизма. Боулспорт превозносили голландский гуманист Эразм Роттердамский (1466-1536) (огромным успехом пользовалась его книга «Домашние беседы», написанная с целью научить людей говорить по-латыни о будничных делах, включая и игру в шары), а также предводители протестантских движений Мартин Лютер (1483-1546) и Жан Кальвин (1509-1564), который вообще был заядлым игроком. Художник Питер Брейгель Старший (1529-1569) увековечил игры в шары на своей знаменитой картине «Игры детей», написанной в 1560 г. и ныне выставленной в Национальной художественной галерее в Вене [3, S.27]. Не обошел вниманием увлекательную игру и прославленный английский драматург и поэт Уильям Шекспир. Он описывает ее в пьесе «Ричард II», созданной в 1595 г. [4, S.31]:

«Королева: Какую бы придумать нам игру, чтоб отогнать тяжелую заботу?

1-я Придворная дама: Сыграемте в шары».

Сэр Фрэнсис Дрейк (1540-1596) был настоящим фанатом боулспорта. В 1588 г., предупрежденный о приближении испанского флота, знаменитой «Непобедимой армады», британский вице-адмирал спокойно продолжил играть в шары в доках порта Плимут, так как решил, прежде чем отправиться на защиту Англии, закончить спорную игру со своим боцманом. Эта легендарная тема многократно увековечена британскими скульпторами и живопис-

цами, а фраза Ф. Дрейка «У нас ещё есть время, чтобы завершить игру, а потом разобраться и с Испанской Армадой» навсегда вошла в историю.

Рис.4. «Френсис Дрейк играет в шары» (М.В. Ховс, 1932) 101 x 325 см. Музей Пула, Великобритания.

Рис.5. «Сэр Фрэнсис Дрейк, играющий в шары в Плимуте». Один из 4 бронзовых барельефов на постменте маятника Дрейку в Тависток, графство Девоншир (Дж. Бозм, 1890)

Само название одной из центральных улиц Лондона, сосредоточившей множество известных английских клубов – Пэлл-Мэлл – происходит от одного из названий игры в шары.

В конце XVII в. король Карл II Стюарт, известный также как «Весёлый король», сам увлекавшийся не только охотой, алхимией, ставшей причиной ранней кончины монарха, и многочисленными фаворитками, но и игрой в шары, легализовал боулспорт в Англии, предусмотрев при этом введение правил [5, S.86]. В 1753 г. в Болонье Раффаэль Бистеги издал брошюру, в которой все вариации игры были приведены наконец к единым правилам.

Есть свидетельства, что первый президент Северо-Американских Соединенных Штатов Джордж Вашингтон также играл в шары в своём поместье. В Канаде игра в шары впервые

обозначилась в 1730 г., когда была сыграна первая партия в г. Порт-Рояль (Новая Шотландия). В Австралии первая игра прошла в г. Сэнди Бич (Тасмания) в 1844 г.

Рис.6. Карл II Стюарт, король Англии. (Д. Рейли, 1683, галерея Вейс, Лондон)

Рис.7. «Игра в шары» (Франциско Байер, 1780)

Надо заметить, что это печальное решение дало толчок организационному распространению игры по периферии страны, а также были приняты единые технические правила игры

1 мая 1873 г. в Турине (Италия) была основана первая организация, получившая название «Ударь шар». Это был первый шаг к созданию будущей национальной организации. Четверть века спустя, в 1897 г. в Риволи, недалеко от Турина, собралась группа любителей игры в шары региона Пьемонт, чтобы организовать на его территории координирующий орган. Таким образом, 1 мая 1898 г. в Турине на Международной выставке был создан «Союз шаров Пьемонта» - практически первая спортивная федерация, положившая начало современному этапу существования игры [3, S.47]. Последовало незамедлительное развитие: уже в 1904 г. созданная организация учреждает первые официальные игры по техническому регламенту, согласно которому игры проводили только под открытым небом. Поля для игры не маркировались, а шары были исключительно деревянными. Шары с металлическими элементами, а именно оббитые сапожными гвоздями впервые появились во Франции.

Союз шаров Италии (UBI) был создан в 1919 г. в Турине, возглавил его адвокат Массимо Капра.

1924 г. стал поистине историческим в развитии боулспорта: игру в шары презентовали на Олимпийских играх в Париже. Играли команды из Италии, Франции и Монако.

В 1926 г. Олимпийский комитет признал UBI. Это стало важной вехой в развитии боулспорта, он стал официальным олимпийским видом спорта, но эйфория длилась недолго. В 1929 г. по приказу олимпийского комитета Италии игры в шары вдруг перенесли из спортивного раздела в развлекательный.

в Италии [2, S.152]. А 1929 год стал для боулспорта годом технического прорыва – появились синтетические шары – сферы, изготовленные из опилок, смешанных с клеем.

Рис.8. Северная Италия, игра в шары середина XIX в., фотография.

Рис.9 Шары для игры в бочке. Франция, 1800-1880 гг.

В период после Второй мировой войны развитие боулспорта продвигалось неравномерно. Сразу после окончания войны появилось много федераций, которые только в 1948 г. пришли к соглашению, вновь объединившись в Союзе итальянских федераций шаров (UNIF). Созданная организация имела два игровых направления «раффа» – данное направление игры получило распростране-

ние на всей территории Италии и носило развлекательный характер и «воло», получившее развитие в Пьемонте и Лигурии. Именно игра в «воло» имела спортивный и соревновательный аспект развития [5, S.90]. Штаб-квартира UNIF располагалась в Генуе, а направления игр координировались двумя отделами: «Отдел национального регулирования» развивал бочче-раффа и базировался в Милане, «Отдел международного регулирования» базировался в Генуе и контролировал развитие игры бочче-воло.

При этом уже в 1946 г. была образована Международная федерация игры бочче-воло, в 1950 г. – бочче-раффа. В 1979 г. оба направления бочче были объединены и вновь получили признание олимпийского комитета Италии. В 1985 г. создание Всемирной Конфедерации боулспорта в Монако привело к последующему признанию Международного олимпийского комитета (1986) [5, S.91].

В 90-х гг. взаимодействие международных и национальных федераций приводит к тому, что боулспорт был представлен на Средиземноморских играх в Монпелье (Франция), что послужило присоединению к направлениям бочче еще одной родственной игры – петанка.

В настоящий момент в мире боулспорта существуют отдельные международные федерации по трем направлениям игры: бочче-воло, бочче-раффа и петанк. Данные организации объединены в единую Конфедерацию, признанную Международным олимпийским комитетом. Проводятся Чемпионаты континентов и мира, боулспорт представлен на Средиземноморских, Азиатских и Африканских играх. Всемирные игры – самые престижные соревнования, где представлены игры в шары.

Основная международная тенденция проявляется в стремлении попасть в Олимпийскую программу, в связи с чем международные федерации тщательно перерабатывают правила и регламенты игры для того, чтобы добиться большей зрелищности этого древнего, но популярного вида спорта.

Библиографический список:

1. *Appiani E., Robbiano E., Marocco S.* Manuale tecnico tattico e medico scientifico dello sport bocce. – Roma: Societa Stampa Sportiva, 1988. – 328 p.
2. *Barbeiro H.* Manual do jornalismo esportivo. – São Paulo: Contexto, 2006. – 188 p.
3. *Chiara D.* Dirigenti & campioni. Hanno scritto la storia delle bocce italiane 1897-2010. – Roma, 2010. – 1238 p.
4. *Lillaz W.* Un siecle de boules. – Aosta, 2011. – 336 p.
5. *Oliveira D.* Bocha, lazere alto rendimento. – Porto Alegre: Editora Bocha, 2017. – 212 p.
6. *Foyot M., Dupuy A., Dalmas L.* Pétanque: Technique, Tactique, Entraînement. – Párizs: Robert Laffont, 1984. – 158 p.
7. *Соколовская И.* Деревня Пейнсвик – королева Котсуолдса // British Rambling: Ваш гид по старой доброй Англии. URL: <https://britishrambling.com/cotswolds/painswick/> (дата обращения 29.01.2022)
8. *Покровский Е.А.* Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России. Материалы для медико-антропологического исследования. Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. Труды Антропологического отдела. Т.45. Вып. 1-3. – М.: Типография А.А. Карцева, 1884. – 383 с.
9. *Гиппократ.* Избранные книги. – М.: Биомедгиз, 1936. – 736 с.

Сведения об авторе:

Шафенкова Юлия Витальевна, магистрантка Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта. Инструктор по спорту АО «НПЦАП им. Н.А. Пилюгина»

Древности и археология

УДК 903.26(470.333)

Р. В. Брешков

МЕТАЛЛОПЛАСТИКА ИЗ ЛОПУШСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СВЯТОГО ВЕЛИКОМУЧЕННИКА НИКИТЫ ПОБИВАЮЩЕГО БЕСА

Аннотация: Вводится в научный оборот информация о предметах с изображением Святого Великомученика Никиты побивающего беса происходящих с территории лопушского археологического комплекса.

Ключевые слова: Никита побивающий беса, Никита-бесогон, Нитикино мучение, Предметы христианского культа, Нательные иконки, Металлопластика, Ювелирное ремесло и технология, Лопушь, Десна.

Breshkov R.V. The metal plasticity from the Lopush Collection with the image of the Holy Great Matchmaker Nikita Breathing Demon

Abstract: Increased information about items with the image of the Saint Great Mailway Nikita of Breathing Demisses from the territory of the Lopusky Archaeological Complex.

Keywords: Nikita bent Bes, Nikita-Besgon, Nikita`s torment, objects of Christian cult, a native icons, metalplastic, jewelry craft and technology, Lopusht, Desna.

На территории лопушского средневекового археологического комплекса были обнаружены предметы мелкой металлопластики с изображением «Святого Великомученика Никиты, побивающего беса». Предметы были обнаружены в пахотном слое на участке огородов местных жителей. Местоположение этих находок относится к зоне скопления статусных находок древнерусского периода. В этой зоне автором так же выделен участок [1, Рис.1, С.5] как место предположительного расположения небольшого, известного по письменным упоминаниям, деревянного храма, восстановленного после сожжения литовцами в смутное время, вероятно в начале XVII века, и в 1628 г. уже значившимся как действовавший [2, С.214-216]. Именно на этом участке были обнаружены два деформированных фрагмента одного изделия. Один из фрагментов был обнаружен в 2010 г. и к сожалению был неточно атрибутирован [1, Рис.12-а1, С.23]. Обнаружение второго фрагмента позволило заново и однозначно атрибутировать предмет как фрагменты наперсной меднолитой иконы с изображением Святого Великомученика Никиты побивающего беса. При внимательном рассмотрении, в центре сохранившегося фрагмента с оглавием хорошо различим рельеф цепей которыми Никита бьет беса (рис.1-3), на втором, сильно деформированном фрагменте (рис.1-2) присутствует изображение части его руки и плаща. На сохранившейся части обрамления присутствует плохо различимый рельефный текст "МНИКИТА СТЫБОГСИ" (Рис.1-1).

Оборотная сторона фрагментов гладкая. Сохранившееся оглавие выполнено в виде ложного шарнирного соединения с биконическими завершениями. На оглавии различимо изображение лика Спаса Нерукотворного. На боковой части фрагмента 1 видны следы литьевых швов (рис.2-1), что свидетельствует о том, что предмет был отлит в двухстворчатой разъёмной форме. Изображение для литьевой формы очевидно было получено оттиском модели скопированной с оригинала имевшего подвижное оглавие. На поверхности фрагментов прослеживаются следы от высокотемпературного воздействия (пожар?).

Толщина иконки 3.5 мм, ширина 40 мм, высота и ширина оглавия 20 мм и 11 мм, толщина оглавия 7 мм. Отверстие в оглавии образовано при литье, диаметр 2 мм. Высота релье-

ефного изображения 1-1,2 мм. Вес фрагментов 14,86+10,03г = 24,89г. Восстановленные размеры иконки в высоту (без учёта оглавия) составили около 42-44 мм. Схематичное изображение фрагментов иконки на примере фотографии идентичной иконки (рис.3)

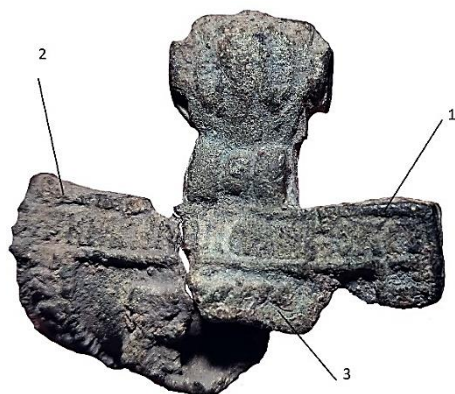

Рис.1

Рис.2

Рис.3

Удалось выявить следующие аналогии: иконка датируемая XVI веком опубликована, и хранится в ГИМ [3], так же идентичная особенно по изображению оглавия иконка представлена на интернет-сайте [4] под номером СИ-030. Имеется иконка из собрания ЦМиАР так же датируемая XVI в. [5, Илл.19, С.177; 6, № 83]. Известна аналогичная по изображению и размерам иконка XVI в. из Калуги, найденная при разборке старых домов [7, Рис.16; 8, Рис.7-6]. Отметим отличие калужской иконки от остальных названных наличием на ней дублирующей рамки по периметру. Возможно, по этой причине появилось предположение о том, что в качестве модели для её отливки была использована каменная или костяная иконка в металлической оправе [7].

По иконографической условной типологии, предложенной В.В. Хухаревым, такие иконки относятся к типу 2, и обычно датируются XVI-XVII вв. [8; 9]. Однако этот тип входят в порядке исключения и возможные более поздние старообрядческие реплики, датируемые не ранее рубежа XVII-XVIII вв. В этой связи интересно отметить, что Калужская иконка [7, Рис.16] а так же ранее упомянутые предмет из ЦМиАР [5, Рис.19; 6, № 83] в статье В.В. Хухарева [10] уже отнесены к старообрядческому литью.

Как видно, возможная датировка фрагментов из Лопуши по найденным аналогиям имеет большой диапазон – XVI-XVIII века. Однако, поскольку обнаруженные в Лопуши фрагменты иконки имеют следы высокотемпературного воздействия в виде частичного оплавления поверхности и сильной деформации, одной из вероятных причин этого, мог быть пожар постройки, в которой хранился исходный предмет. Можно предположить, что таким пожаром могло быть известное по письменным упоминаниям в переписной книге от 1626 г. сожжение церкви литовскими людьми (Рис.4). Сама иконка могла в тот период использоваться служителями храма, храниться в нём, или в постройках на церковном дворе. Более поздних упоминаний о пожарах или разрушениях церкви в сохранившихся источниках мне найти не уда-

лось. Следующее известное упоминание о постройке новой церкви вместо старой относится лишь к 1753 г. [11; 12 С.53-55]. Однако ни о каком пожаре там речи не идёт. Учитывая это, обнаруженные фрагменты иконки можно предположительно отнести к периоду второй половины XVI первого десятилетия XVII века. Конечно данные выводы носят характер предположения, и для уточнения датировки следует дополнительно провести химический анализ состава сплава фрагментов, чтобы установить отсутствие или наоборот присутствие связи со старообрядческим литьём.

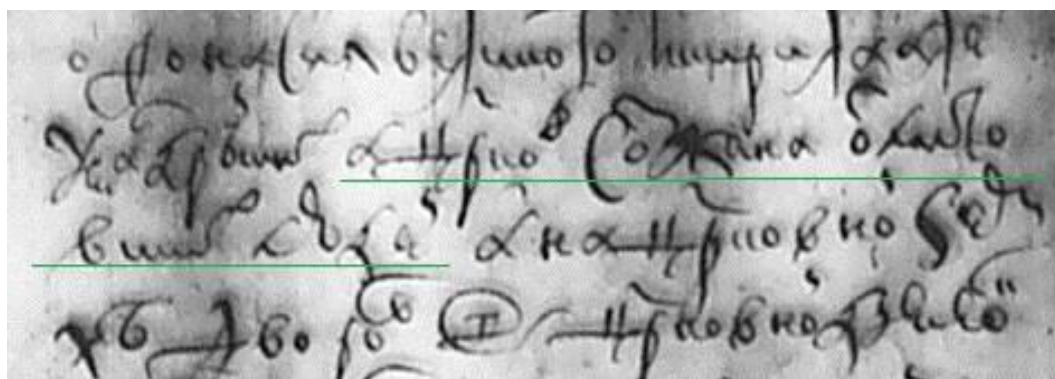

Рис.4. «...А церковь созжена от литовских людей...» (Фрагмент выписи. РГАДА Ф.1209. оп.1 Д.10231 Писцовые книги Брянского уезда 1627-1629 гг. Л.109-109об.)

Рис.5

Другой предмет с сюжетом о Никите представляет собой прекрасно сохранившуюся нательную меднолитую иконку (рис.5). Изделие кратко описано ранее [1, Рис.13-4, С.26] и представляет из себя арочную иконку, на лицевой стороне которой Св.Никита изображён в развевающемся плаще с завитком. В поднятой правой руке держит оковы из трёх звеньев и замахивается ими на беса, левой рукой держит беса за ногу, и наступив ему ногой на голову или волосы, попирает его. За силуэтом Никиты находится плохо читаемая рельефная надпись, вначале которой определяются только буквы *НИ* (вероятно *НИКИТА*). Голова Святого окружена нимбом, а за спиной видно рельефное изображение колонны с канелюрами. По периметру присутствует рельефная рамка. Обратная сторона гладкая. По типологии В.В.Хухарева, иконография изделия близка к типу 1, датированному XIV-XV вв.

Основные размеры изделия представлены на Рис.6. Иконка была отлита в двустворчатой разъёмной форме. На боковых частях местами просматриваются литейные швы. На периметральной рамке имеется незначительный брак литья в виде микро-недолива. Интересно отметить, что рельеф лица Никиты выступает выше периметрального бортика (Рис.6-1). Ушко гладкое, лицевая его часть имеет сильно сглаженную ромбическую форму. Цвет патины чёрный, что очевидно говорит о сильном преобладании в сплаве меди. Вес изделия 4,08г.

Наиболее близкие аналогии происходят из некрополя XIV-XV вв. в Старице [13, Рис.1-1, С.39]. В каталоге А.К. Станюковича имеются аналогии №324 и №325 [14], датируемые XV в. Аналогичных находок, происходящих с территории Брянской области на момент написания статьи мне не известно.

Находка в Лопуши иконки XV в. с сюжетом о «Никитином мучении» вызывает определённые вопросы о том, откуда она могла попасть на поселение. Наибольшее количество из-

вестных предметов с изображением Никиты побивающего беса происходят с памятников Северной-Восточной Руси, но особой представительностью таких находок выделяется Тверской и Московский регионы [9]. Сопоставляя известные события XV века с письменными источниками по Лопуши того же периода, удалось установить весьма вероятное присутствие на лопушском поселении людей из вышеуказанных регионов.

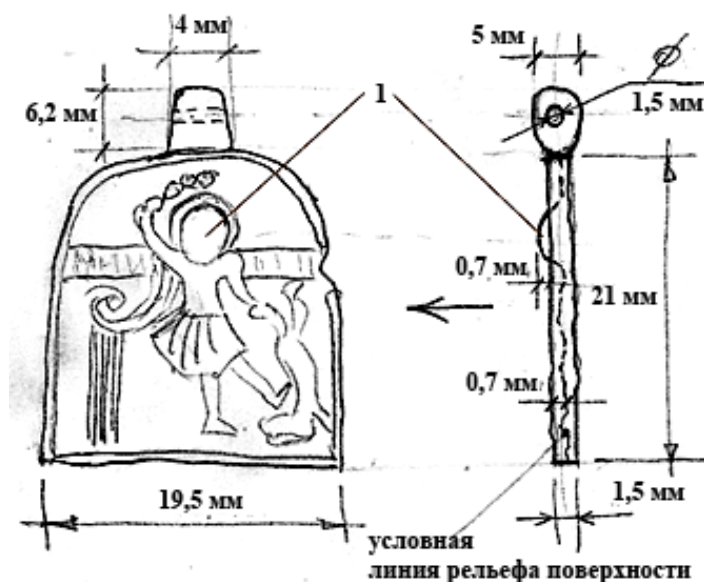

Рис.6

В 1454 г. потомок Дмитрия Донского, князь Иван Андреевич Можайский был вынужден бежать из Можайска в Литву (выбрався з женою и з детьми и со всеми своими) [15, С.73]. Его ждал весьма тёплый приём со стороны Господаря Казимира, который пожаловал князю Стародуб и Гомель в вотчину. А в 1465 г. князь получил в вотчину и Брянск с его округой [16, С.215], включая и сельцо *Лопуш*. В актах литовской метрики от 1497 года присутствует информация о владении этим сельцом и его округой князем Иваном Андреевичем Можайским. Князь построил “двор себе на том Лопуши” [17, № 231, С.160]. Дополнительно отметим то, что сестра Ивана Андреевича, Анастасия Андреевна, являлась женой Великого князя Тверского Бориса Александровича. В 1434 году в результате династических усобиц, князь Иван Можайский со своей матерью и вероятно со всей свитой спасается в Твери [18, С.82].

В Лопуши же князю пришлось заново возрождать само поселение, поскольку на момент его получения в нём *не было ни людей, ни пашенной земли* [17, № 231, С.160]. Источники, к сожалению молчат о причинах запустения поселения, но сообщают о размещении на нём, князем, шестерых человек семьи. Так же вместе с Лопушью князь получил данника на имя Сытича. Очевидно, что люди которые размещались князем на запустевшем поселении были привезены им с собой. Сохранились некоторые документы согласно которым Иван Андреевич размещал на брянских землях своих бояр, которые сопровождали его при выходе в Литву [15, С.77].

Таким образом, весьма вероятно, что в последней трети XV века на лопушском поселении находились люди из московских удельных территорий, а возможно и из Тверских. Не менее вероятно, что кто-то из этих людей и мог быть владельцем иконки.

Библиографический список

1. Новожеев Р.В., Брешков Р.В. Древности села Лопушь. Материальная культура деревни среднего подесенья в XI-XVII веках. – Брянск: БГСХА, 2012. – 80 с.
2. Вязьмитин О.Р., Шахотин А.В. Храмы Трубчевского уезда. – Брянск: Белые берега, 2013. – 421с.
3. Тетериатникова Н. Изображения Св.Никиты, бьющего беса // Вестник Русского Христианского движения. 1979. Вып.129. С.180-195.
4. Образ Святого мученика Никиты побивающего беса в христианском искусстве. URL: <https://nikita-besogon.ru/product-category/mednolitye-ikony/> (дата обращения 12.12.2021)
5. Гнупова С.В. Русское медное литьё. Вып. 1. М.: СолСистем, 1993. – 192 с.

6. *Гнутова С.В., Зотова Е.Я.* Кресты Иконы Складни. Медное художественное литье XI — начала XX века из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. М.: Интербук-бизнес, 2000. – 136 с.
7. *Ткаченко В.А., Хухарев В.В.* Святой мученик Никита бесогон на крестах и иконках из Калуги // Сквозь века... Материалы 2-й городской краеведческой конференции. – Калуга, 1999. С.68-80.
8. *Хухарев В.В.* Крестики и иконки с сюжетом из жития «Николино мучение» // Археология Подмосковья. Вып.11. – М.: ИА РАН, 2015. С.455-466.
9. *Хухарев В.В.* Наперсный крест с сюжетом «Св. Влкм. Никита, побивающий беса» из фондов брянского музея // Деснинские древности VII. – Брянск, 2012. С.192-205
10. *Хухарев В.В.* Святой Влкм. Никита, погонитель бесов – в медном литье старообрядцев // Рябининские чтения. – Петразаводск: Музей-заповедник Кижи, 2015. С. 247-249.
11. *Зверев В.* Местные известия о селе Лопушь Трубчевского уезда Орловской Епархии // Орловские Епархиальные ведомости. 1865. №13, С. 496-500.
12. Историческое описание церквей и приходовъ Трубчевскаго уѣзда / [под общ. ред. О. Р. Вязьмитина]. - [репр. изд.]. – Белые берега: Белобережье, Десяточка, 2007. – 63 с.
13. *Романченко Н.Ф.* Образцы Старицкого медного литья // Материалы по русскому искусству, т. 1. – Л., 1928. С. 37-42.
14. *Станюкович А.К.* Неизвестные памятники русской металлопластики. Миниатюрные иконки-привески XI–XVI веков. – М.: Искатели, 2011. – 224 с.
15. *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV-первой трети XVI в. – М.: Квадрига, 2019. – 342 с.
16. *Шинаков Е.А.* От Чернигова до Смоленска. Военная история юго-западного русского порубежья с древнейших времён до XVII. – М.: Центрполиграф, 2018. – 351 с.
17. Акты, относящиеся к истории западной России. Сборник документов канцелярии Великого князя Литовского Александра Ягеллончика 1494-1506 гг., Институт российской истории РАН, т. 1(6) / Под ред. С. М. Кашианова. – М. – СПб: Нестор-история, 2012. – 664 с.
18. *Конявская Е.Л.* Тверь: от Михаила Александровича до Михаила Борисовича // Русь в XIII-XV веках. Новые открытия в области археологии. – М.: Индрик, 2021. С.74-86.

Сведения об авторе:

Брешков Роман Владимирович – историк-краевед, производственно-конструкторское предприятие ВЭЛКО-2000, г. Королёв, Московская обл. E-mail: breshkov@mail.ru

УДК 903.25(282.247.324.6)

А.А. Чубур, О.С. Симутина

КОМПЛЕКС ЖЕНСКОГО УБОРА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ СУМСКОГО ПОСЕЙМЬЯ (УКРАИНА)

Аннотация: рассматривается комплекс женского убора раннего железного века, в результате незаконных раскопок оказавшийся в частной коллекции и предположительно происходящий из Сумской области Украины. Авторами установлено хронологическое единство комплекса (датировка около IV в. до н.э.) и его культурная непротиворечивость. Это может свидетельствовать в пользу гипотезы о его подлинности. Комплекс включает в себя более 2050 предметов: бисер, стеклянные и керамические бусы, бронзовые привески, перстни, нашивки и т.д. В совокупности убор демонстрирует кросскультурные связи античной цивилизации, скифо-сарматского мира и мира лесных балтов. С большой вероятностью это остатки богатого женского погребения юхновской археологической культуры на крайнем юге ареала – в Путивльском Посеймье. Нельзя исключать и версию происхождения вещей из клада-«ларчика».

Ключевые слова: ранний железный век, юхновская культура, украшения, Посеймье, Сумская область, Украина.

Chubur A.A., Simutina O.S. The complex of women's jewelry from the Early Iron age from the Sumy Poseimyie (Ukraine)

Abstract: the article deals with a complex of women's jewelry of the early Iron Age, which as a result of illegal excavations ended up in a private collection and presumably originated from the Sumy region of Ukraine. The authors established the chronological unity of the complex (dating around the 4th century BC) and its cultural noncontradiction. This may be evidence of the hypothesis of its authenticity. The complex includes more than 2050 items: beads, glass and ceramic beads, bronze pendants, rings, stripes, etc. Together, the decorations demonstrate the cross-cultural ties of ancient civilization, the Scythian-Sarmatian world and the world of the forest Balts. With a high probability, this is remains of a rich female burial of the Yukhnovskaya archaeological culture in the extreme south of the range - in the Putivl Poseimyie. It is impossible to exclude the version of the origin of things from the treasure chest.

Key words: Early Iron Age, Yukhnov culture, jewelry, Poseimyie, Sumy region, Ukraine.

Собирая и систематизируя материал по треугольным привескам раннего железного века лесостепной и лесной зон Восточной Европы [18], авторы обратили внимание на сведения о концентрации таких привесок в северной части Сумской области Украины. Группа таких привесок с большой вероятностью происходила из некоего неизвестного науке комплекса, ставшего добычей грабителей-кладоискателей. Более тщательный мониторинг кладоискательских форумов и интернет-аукциона *Violity*, привел к успеху: в одном из лотов упомянутого аукциона комплекс, опознаваемый по индивидуальным чертам уже известных треугольных привесок, был выставлен в полном объеме (почти 2000 предметов, считая бисер) и был приобретен неизвестным лицом (Рис.1). Судьбу артефактов и их место хранения в настоящее время установить не представляется возможным. Несмотря на сомнительное (как у любой добычи «черных копателей») происхождение комплекса, его состав показался авторам настолько интересным, что было принято решение изучить доступные материалы, атрибутировать их и ввести в научный оборот, одновременно попытавшись установить, являются ли представленный набор вещей в действительности единым комплексом.

Известно немало случаев, когда «компаративные» коллекции из грабительских раскопок, выдавались за «комплексы» («клад», «погребение») для получения большего барыша при сбыте награбленного подпольным «любителям древностей». Такие фальшивки при их внимательном анализе демонстрируют, как правило, хронологическую и культурную разнородность, малозаметную для дилетанта. В свою очередь синхронность вещей может быть весомым аргументом в пользу подлинности комплекса.

Удалось установить, что вводимый в оборот вещевой комплекс происходит с большой долей вероятности из Путивльского Посеймья в Сумской области. Если это действительно

так, то находка тем более представляет особый интерес для науки, поскольку данная территория является пограничьем, зоной кросскультурных контактов между скифоидной лесостепной культурой, ареал которой лежит южнее и восточней, и юхновской культурой, с большой долей вероятности относимой к кругу древних лесных балтских племён, возможно участвовавших в праславянском этногенезе.

Рис.1. Комплекс женского убора скифского времени из Сувмской области Украины, выставленный на продажу на Интернет-аукционе VIOLITY

Итак, предполагаемый комплекс представляет собой предметы женского убора (ожерелья, перстни, детали головного убора, возможно – браслеты из бус) и состоит из нескольких групп украшений. К сожалению, точный состав каждого ожерелья (как и их число) установить невозможно.

1. Металлические (бронзовые) украшения.

Треугольные привески. Восемь из них отнесены к типу IV подтип А по типологии, разработанной А.А. Чубуром и О.С. Симутиной [18]. У этих треугольных привесок полешитка заполняют три S-образные биспиральные волноты, образующие три ряда вписанных в круги спиралей (1, 2 и 3 в ряду сверху вниз). Изготовление таких привесок производилось по выплавляемой восковой модели, поэтому, несмотря на относительную стандартизацию размеров, каждая сугубо индивидуальна. Наиболее типичный размер - примерно 1,8-2,1 см по основанию с высотой с ушком 2,5-2,7 см – таких привесок в рассматриваемом комплексе шесть (Рис.2: 1-6). Еще две привески этого типа имеют меньшие размеры – ширину основания 1,4-1,5 см и высоту с ушком 2,1-2,2 см. (Рис.2: 7, 8). Этот подтип характерен для пространств от белорусского Поднепровья до Среднего Подесенья с притоками, включая Сейм.

Рис.2. Бронзовые изделия из женского убора раннего железного века. Описание в тексте. 1-16 – привески, 17, 18 – колокольчики, 19, 24-28 – нашивки, 20-22 – перстни, 29 - пронизка

Еще четыре треугольных привески отнесены к подтипу В типа II по типологии авторов. Лицевая поверхность щитка таких привесок представляет собой ряды круглых выступов-зернышек (в каждом последующем ряду снизу вверх на одно меньше), обратная сторона – плоская. Привески подтипа В (Рис. 2: 9-12): состоят из нескольких зернёных треугольников (на каждом по шесть или по десять элементов). Треугольники (в трех случаях 3, в одном 6), расположены в шахматном порядке и образуют большой ажурный треугольник с треугольными «окном» (Рис.2: 9, 11, 12) или с тремя такими «окнами» меньшего размера (Рис.2: 10). Заметим, что в двух привесках литейный брак привел к заполнению «треугольного «центрального окошка» плоским участком отливки (Рис.2: 9, 12). Размер таких привесок по основанию 15-20 мм, высота с ушком соответственно 18-26 мм. Такие привески характерны для бассейна Средней Дексны и немного южнее – вплоть до Горнальского городища на р. Псёл и Путивльского Посеймья [18].

Датировка треугольных привесок с волютами и зернью лежит преимущественно в пределах IV–V вв. до н.э., хотя отдельные экземпляры могут датироваться и более поздним периодом.

К треугольным привескам, не фигурирующим в типологической схеме авторов можно отнести крупную плоскую треугольную бронзовую пластину (ширина основания – 5,2 см, высота – 3-2 см) с отверстием для привешивания или пришивания на вершине равнобедренного треугольника (Рис.2: 15). Судя по окислам, которые сконцентрированы на одной из сторон пластины-привески, она была нашита на одежду или головной убор, а не использовалась в качестве делала ожерелья. По мнению одного из авторов, на части пластины окислы образуют форму, несколько напоминающую лошадиную голову в профиль с выразительным глазом и ушами, однако трудно сказать – имеем мы дело с игрой природы и нашей неуёмной фантазии или с реальными следами, например, исчезнувшей вышивки на одежде. Близкой аналогией привески может служить треугольная пластинка с поселения Подгорцы под Киевом [10, Рис. 42, 8],

Круглая привеска представляет собой отлитый по восковой модели диск диаметром 2,2 см со спиральным узором (уложенный спиралью шнур). По бокам и визу диска по его краю подпрямым углом друг к другу располагаются три S-видных волюты, а сверху имеется петля для подвешивания или пришивания. Максимальный поперечник (с волютами) 3 см, высота с петлей 3,6 см (Рис.2: 14) Аналогичные изделия известны в милоградских древностях (городище Чаплин), в подгорцевских древностях (могильник Рудяки) [16, С.182, Рис.54: 2; 11, С.83, Рис.36: 15], а также с территории Черниговской области Украины (случайные находки). Похожие изделия известны авторам также с городища Баклань на р. Судость из ареала юхновской культуры и из Брасовского района Брянской области, а также с запада Орловской области. Датированы изделия этого типа ориентировочно V-IV вв. до н.э.

Зеркало или **бляха** в виде гладкого слабовыпуклого диска диаметром 6,2 см с уплощенной петлей шириной 0,8 см с продольным рельефом из шести выпуклых линий, напаянной на обратной стороне (Рис.2: 19). Такие изделия использовались по мнению разных авторов как украшения конской узды или как элементы женского убора. В нашем случае, судя по концентрации окислов на внутренней вогнутой стороне с петлей, бляха безусловно была нашита на ткань, поэтому рассмотрение её как детали убранства одежды (головного убора?) представляется более убедительной версией. Такие бляхи-зеркала хорошо известны как в памятниках Скифии, так и в памятниках милоградской (городища Лиски, Холдосовка, селища в Подгорцах и Таценках и др., погребение у с. Казарновичи) и юхновской культур, датирующихся VI-IV вв. до н.э. [17; 7. С.221; 10, Рис. 19: 4,39: 3]. В сарматском могильнике Барановка также найдено подобное зеркало [15, Табл.80: 41].

Нашивки-бляшки круглой выпуклой формы с припаянной с вогнутой стороны петелькой напоминают описанную бляху-зеркало, но имеют меньшие размеры. Изделия диаметром от 6-9 мм до 1,2-1,6 см (Рис.2: 23-27) могут быть соотнесены с типом 1Б, выделенным К.А. Смирновым для древностей дьяковской культуры. Десятки таких бляшек встречены в кладках Троицкого и злополучного Щербинского городищ [5]. Представлены подобные бляшки и на памятниках юхновской культуры, например на многослойном городище у д. Городище 2-е в Брасовском районе Брянской области, два аналогичных изделия обнаружены также под Минском на городище Лабенщина в слое культуры штрихованной керамики, датированном временем древнее III в. до н.э. [12, Рис.25: 14, 15] и на милоградских городищах Горошков, Милоград, Асаревичи [11, Рис. 31: 3-6, С.73]. Примыкает к этим изделиям и **перстнеобразная привеска** (Рис.2: 28) диаметром 1 см, находящая аналогии, например, в кургане 2 могильника Аксютницы (урочище «Стайкин верх») в Посулье [4, Рис.20: 5].

Спиральные кольца относятся к типу 2-б по В.Г. Петренко. Два из них свернуты в 7-8 витков из бронзовой проволоки округлого сечения 0,15-0,2 см. Высота каждого примерно 1,5 см, внешний диаметр, соответственно 2,0 и 2,2 см (Рис.2: 20, 21). Третье сделано из свернутой в неполных 5 витков бронзовой ленты шириной 0,35 см: высота 1,8 см, внешний диаметр ~2 см (Рис.2: 22). Этот тип колец распространяется в Украинских и Донских степях в IV в. до н.э. и характерен для древностей IV-III вв. до н.э. [13, С.59], аналогичные изделия известны из ареалов юхновской, милоградской, дьяковской культур лесной и лесостепной зон. Из такой же спирали (47 витков) из бронзовой округлого сечения (~0,18 мм) проволоки изготовлена длинная **пронизка** или **накосник** (Рис.2: 29), находящая аналогии в материалах дьяковской культуры. Длина изделия 9 см, диаметр одного конца 1,2 см, другого – 2,3 см.

Бронзовые колокольчики (могли они использоваться и в качестве ворворок, но в отличие от последних имели не ажурные, а цельнометаллические стенки) высота 6/2-6,3 см нижний диаметр 3,2-2,3 см (Рис.2: 17, 18). Такие изделия были встречены на 1-м Переверзевском городище (Курская обл.) [14, С.61, Рис.24: 17, 18], в погребальном инвентаре раннего железного века правобережья и левобережья Днестра и Среднего Дона, а также на Милоградском городище [13, Рис.32: 24-3; 6, С.21; 7, Табл.22, 23; 11, Рис.31: 18]. Предметы имеют широкую датировку – середина – вторая половина I тыс. до н.э.

Амфоровидные привески (Рис. 2: 13, 16) высотой 5 и 6 см отдаленно напоминают так называемые «амулетницы» сарматского времени, но имеют ряд особенностей, отличающих их от образцов, большей частью происходящих из Причерноморья. Одна имеет три сквозных треугольных отверстия в стенках, другая – литая, на месте отверстий лишь треугольные углубления. Обращают на себя внимание расположенные в основании привесок розетки из округлых шишечек. Такие же точно «шишечки», сгруппированные в розетки, встречаются на латенских бронзовых браслетах, датирующихся IV–III вв. до н.э. [9]. Мы считаем возможным перенести эту датировку и на представленные в рассматриваемом комплексе амфоровидные привески. Треугольные западины и отверстия на наиболее расширенной части, плавно сужающейся книзу ассоциируются со знаком женского лона, а сама подвеска со стилизованной женской фигурой.

Бусы из пастового непрозрачного стекла. Таких бусин в рассматриваемом комплексе 9, все они представляют собой античный импорт из Северного Причерноморья.

1) Округло-цилиндрические бусы из глухого бирюзового или грязно-синего стекла, украшенные четырьмя глазками – три экземпляра, один поврежденный (Рис.3: 1-3). Диаметр около 0,8 см, диаметр канала 0,25 см. В глазках центральный синий диск окружен двумя белыми кольцами и одним синим. В типологии Е.М. Алексеевой точные аналогии этим глазчатым бусинам отсутствуют.

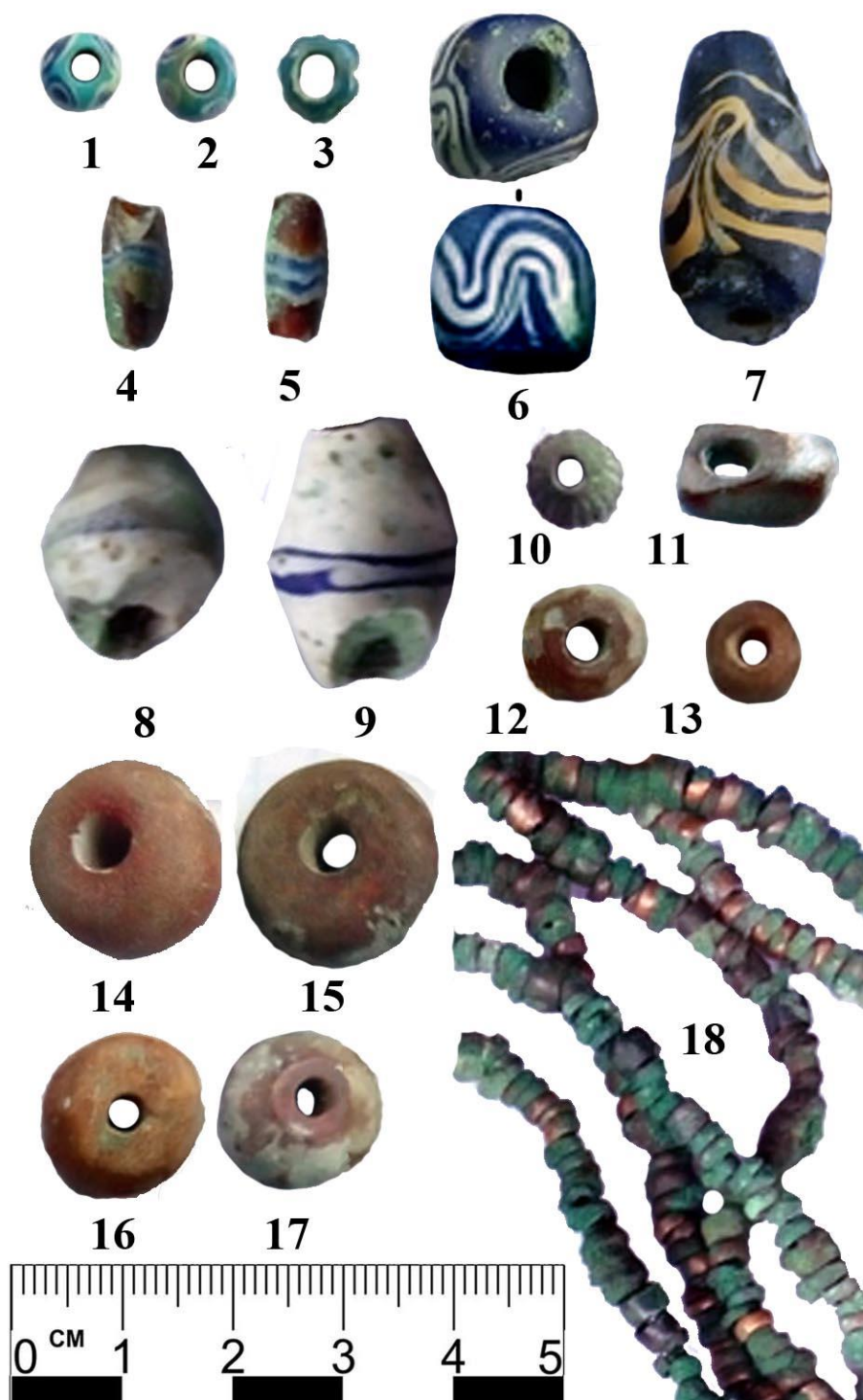

Рис.3. Бусы из женского убора раннего железного века (описание в тексте). 1-9, 11 - пастовые полихромные бусы. 10, 18 – монохромные стеклянные бусы. 14-17 – терракотовые бусы.

2) Бочковидные бусы из глухого красного стекла с чередованием трех белых и двух синих поперечными полосами спаянного орнамента в расширенной части, в комплексе присутствуют два экземпляра (Рис.3: 4, 5). Длина 1,6 см, максимальная ширина 0,7 см. Близки к типу 161 цветных стеклянных бус по Е.М. Алексеевой, датируемому IV-III вв. до н.э. [2, С.41] однако отличаются от него числом цветных вставок.

3) Округло-квадратная бусина из глухого синего стекла с несколькими белыми нитями фестонов. Высота и ширина 1,6 см, диаметр канала 0,5 см (Рис.3: 6). Наиболее близок к этой бусине тип 259-а по Е.М. Алексеевой [2, С.48] из глухого черного стекла, датируемый IV-III вв. до н. э.

4) Бочонковидная бусина синего стекла с неровными фестонами, нанесенными желтой нитью. Длина 2,5 см, диаметр 1,5 см. Диаметр канала 0,4 см (Рис.3: 7). Очень близка к типу 264 по Е.М. Алексеевой [2, С.48]. Аналогичные бусы с белыми фестонами датируются IV–второй половиной V вв. до н.э., вероятно датировка рассматриваемой бусины лежит в тех же пределах.

5) Бочковидные бусы из глухого белого стекла, украшенные тройной поперечной полосой, образованной наложенными друг на друга синей и белой лентами – два экземпляра (Рис.3: 8, 9). Длина 2,5 см, ширина 1,7 см, диаметр канала – 0,4 см. Наиболее близок к этим украшениям тип 160 бус из цветного стекла по Е.М. Алексеевой [2, С.41, Табл. 27: 38], характерный для IV-III вв. до н.э.

6) Подтреугольная подвеска из нескольких спаянных разноцветных частей (белое глухое, темно-красное глухое стекло), расположенных перпендикулярно каналу (Рис.3: 11). Высота 1,3 см, диаметр канала 0,4 см. Тип 184 по Е.М. Алексеевой [2, С.143]. Точной датировки для него нет, но в целом подобные пастовые подвески принято относить к периоду эллинизма, т.е. ко времени с конца IV по середину I вв. до н.э.

К **монохромным стеклянным бусам** относится в первую очередь бирюзовая округло-ребристая бусина, поверхность разделена на 16 радиальных «мягких» долек (Рис. 3: 10). Диаметр 0,9 см, диаметр канала 0,25 см. Бусина может быть отнесена к типу 148 по Е.М. Алексеевой, характерному для периода эллинизма (IV-I вв. до н.э.) [2, С.71].

Наиболее многочисленная группа украшений – это **бисер** (Рис.3: 18). В комплексе представлено 1630 зеленых, 212 бирюзовых бусин, а также 163 золоченых бусины. Округлые бусы из зеленого стекла и округлые бусы из глухого бирюзового стекла могут быть отнесены соответственно к типам 8 и 13 монохромных бус по Е.М. Алексеевой, первый связан с эпохой эллинизма, а второй более четко датирован IV–III вв. до н.э. [2, С.64]. Золоченые бусы все относятся к типу 1 (по Е.М. Алексеевой) бус с металлической прокладкой. Это округлые пропорциональные по поперечному сжатым бусы из прозрачного бесцветного стекла, их диаметр 3-4 мм. Этот тип бисера был наиболее распространен в эпоху эллинизма, появившись в IV в. до н.э. [2, С.29]. Заметим, что бисер, скорее всего, не был нанизан в виде ожерелий, как это сделано на фото аукциона Violyty. Более вероятно, что бисером были обшиты головной убор, а возможно и какие-то другие части одежды. Увы, контекст находки безвозвратно утрачен.

Терракотные бусы относятся к типу 1 по Е.М. Алексеевой [3, С.33; Табл. 46: 42, 43]. Это шаровидные и поперечно сжатые округлые бусы (диаметр 1,1 см у 2 экземпляров, 1,5 см у двух экземпляров и 1,8 см также у двух экземпляров, у первых четырех диаметр канала равен 0,25 см, у последних, самых крупных – 0,4-0,5 см.). (Рис.3: 12-17). Все эти бусы изготовлены из мелкозернистой светло-терракотовой глины с блестками. Некоторые экземпляры имеют следы белой обмазки. На Таманском полуострове такие бусы встречаются в погребениях IV-II вв. до н. э. [3, С.33].

Подведем итоги. Практически все датируемые вещи комплекса имеют пересечение периодов своего бытования, приходящееся на IV в. до н.э., скорее всего на его конец – время финала существования юхновской культуры и преобразования её в культуру типа Подгородней Слободы и Полужья в результате нарастающих связей с носителями зарубинецкой культуры. Таким образом, изученный нами комплекс находок, скорее всего, является подлинным.

Остается неясным, имеем мы дело с богатым женским погребением (или даже несколькими уничтоженными погребениями – во что, правда, непросто поверить, учитывая уникальность известных пока погребальных памятников юхновской культуры) или же с так называемым кладом-ларчиком. В кладе-ларчике мог храниться не повседневный, а статусный, праздничный (например, свадебный, востребуемый практически раз в жизни) убор, который соответственно мог и передаваться из поколения в поколение. Эта гипотеза получит развитие при анализе других подобных комплексов, сведения о которых постепенно накапливаются.

Библиографический список

1. *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья / Свод археологических источников. Вып. Г1-12. Т.2. М.: Наука, 1975. – 121 с.
2. *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья / Свод археологических источников. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1978. – 120 с.
3. *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья / Свод археологических источников. Вып. Г1-12. Т.3. М.: Наука, 1982. – 110 с.
4. *Барцева Т.Б.* Цветная металлообработка скифского времени. Лесостепное днепровское левобережье. – М.: Наука, 1981. – 128 с.
5. *Дьяковская культура* / Отв. ред. Ю.А. Краснов. – М.: Наука, 1974. – 284 с.
6. *Ильинская В.А.* Скифы Днепровского лесостепного левобережья. – Киев: Наукова думка, 1968. – 203 с.
7. *Либеров П.Д.* Памятники скифского времени на среднем Дону / Свод археологических источников. Вып. Д1-31. – М.: Наука, 1965. – 112 с.
8. *Лошенко М.И.* Городища милоградской культуры на территории Беларуси. Минск: МФЦП, 2011. – 422 с.
9. *Лысенко С.С.* Гальштатско-латенские и позднеантичные браслеты с выступами // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2021. № 13. С.483-534. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.96.26.013
10. *Максимов Е.В., Петровская Е.А.* Древности скифского времени Киевского Поднепровья. – Полтава, 2008. – 126 с.,
11. *Мельниковская О.Н.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. – М.: Наука, 1967. – 195 с.
12. *Митрофанов А.Г.* Железный век средней Белоруссии (VII-VI вв. до н.э.-VIII в.н.э.). – Минск: Наука и техника, 1978. – 160 с.
13. *Петренко В.Г.* Правобережье Среднего Поднепровья в III-V вв. до н.э. / Свод археологических источников. Вып. Д1-4. М.: Наука, 1967. – 180 с.
14. *Пузикова А.И.* Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье). – М.: ИА РАН, 1997. – 126 с.
15. *Степи в эпоху Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время* / Отв. ред. А.И. Мелюкова. – М.: Наука, 1989. – 464 с. (Археология СССР).
16. *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Волге и Днепре. – М.-Л.: АН СССР. 1966. – 308 с.
17. *Чубур А.* Вещевые клады юхновской культуры (Среднее Подесенье) // Экспедыцыя працягласцю ў жыццё. Актуальныя пытанні археалогіі і нумізматыкі Беларусі і сумежных рэгіёнаў. Памяці беларускага археолага і нумізмата Аляксандра Мікалаевіча Плавінскага (1952–2019). Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Мінск, 2021. С.35-52.
18. *Чубур А.А., Симутина О.С.* Треугольные привески раннего железного века лесостепной и лесной зон Восточной Европы: типология, распространение, семантика // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 4. С. 124-132.

Сведения об авторах:

Чубур Артур Артурович – кандидат исторических наук, профессор Российской Академии естествознания, ведущий сотрудник отдела организации научных исследований, доцент кафедры отечественной истории: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, E-mail: *fennecfox66@gmail.com*

Симутина Ольга Сергеевна – студентка отделения теологии факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, E-mail: *makarovasim@gmail.com*

Историография

УДК 902.2(282.247.324)[1936-1951]

И. В. Филиппова

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЭПОХА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ДЕСНИНСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ МИХАИЛА ВОЕВОДСКОГО

Аннотация. Работа посвящена систематизации сведений об исследованиях древнерусской эпохи силами Деснинской комплексной экспедиции (1936-1949 гг.). Основные работы отрядов экспедиции были сосредоточены на двух археологических комплексах – Вициж (Брянская область) и Липина (Курская область). Внимание начальника экспедиции М.В. Воеводского в наибольшей степени привлекал лишенный поздней застройки комплекс Кветунь (Брянская область), однако на нем удалось провести только рекогносцировочные работы. Развитию исследований помешала безвременная кончина ученого.

Ключевые слова: Древняя Русь, Десна, Сейм, Вициж, Липина, Кветунь, М.В.Воеводский, Б.А.Рыбаков, П.И. Засурцев.

Filippova I.V. Ancient Rus in research of the Desninskaya integrated expedition of Mikhail Voevodsky

Abstract. The work is devoted to the systematization of information on studies of the Ancient Rus by the forces of the Desna integrated expedition (1936-1949). The main works of the expedition detachments were concentrated on two archaeological complexes - Vschizh (Bryansk region) and Lipina (Kursk region). Attention chief of the expedition M.V. Voevodsky greatly attracted devoid of late development complex Kvetun (Bryansk region), but only reconnaissance work was carried out on it. The development of research was prevented by the untimely end of the scientist.

Keywords: Ancient Rus, Desna, Seim, Vschizh, Lipina, Kvetun, M.V. Voevodsky, B.A.Rybakov, P.I.Zasurtsev.

В 1936 г. молодой, но уже ярко и широко проявивший себя в археологической науке Михаил Вацлавович Воеводский (1903-1948) запустил многолетний масштабный научно-исследовательский проект – Деснинскую комплексную экспедицию. Сам он в разговорах и переписке нередко называл её «Предприятие Десна». Задачей Деснинской экспедиции было исследование памятников археологии – от палеолита до древнерусской эпохи включительно – на всем протяжении Десны и ее крупных притоков, с целью составить полноценное представление о специфике региональной истории. Учреждениями, включенными в организацию экспедиции стали Институт Истории Материальной Культуры (ИИМК АН СССР), МГУ, Институт Археологии АН УССР и ряд региональных музеев – Орловский, Черниговский, а затем и Трубчевский и Курский. Сам М.В. Воеводский координировал работу отрядов, выполнял общее руководство и непосредственно занимался исследованием особо интересных отдельных памятников. Так достигался и высокий темп и значительный объем работ, одновременно их качественное исполнение, а также оптимальное распределение сил и средств экспедиции. За несколько лет Михаил Вацлавович сформировал мощную команду ученых, в основном – из молодежи, в которую вошли археологи различного профиля, а также геологи и палеонтологи, отвечавшие за естественнонаучные исследования памятников, их окрестностей и долины реки в целом [22].

Первые три года Деснинская экспедиция была сосредоточена на изучении памятников каменного века (в первую очередь палеолита), эти раскопки сопровождались широкими разведками в округе изучаемых памятников, охватывавшими уже древности всех эпох. Лишь в 1939 г. внимание исследователя привлекают и памятники железного века и средневековья, как верхний пласт древностей изучаемого региона.

Основными задачами работ 1939 г. М.В. Воеводским были обозначены не только различные исследования памятников палеолита. Последним четвертым пунктом стояло «обсле-

дование и частичные раскопки памятников эпохи бронзы и железа в северной части Черниговской области (под руководством Г.В. Подгаецкого¹ и Б.А. Рыбакова)» [3, С.34]. Борис Александрович Рыбаков был молодым перспективным ученым, получившим степень кандидата наук за работу о племенном союзе радимичей, отслужившим артиллеристом в РККА и преподающим в Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской и Московском областном пединституте. Он с 1937 г. сотрудник ИИМКа, а в будущем – профессор МГУ, академик и директор Института Археологии АН СССР [13]. Рыбаков уже бывал и работал в Подесенье: еще студентом он копал под руководством профессора В.А. Городцова палеолитическую стоянку Тимоновка на южной окраине Брянска [23].

Рассказывая об итогах полевого сезона 1939 г. М.В. Воеводский отмечает: «Разведочными маршрутами был обследован правый берег р. Десны от г. Орджоникидзеграда Орловской обл. и до сел. Мезин Черниговской обл. — на протяжении свыше 400 км. Произведено обследование свыше 100 стоянок, городищ и могильников различных эпох... Из памятников эпохи железа много важных данных дали раскопки Пушкаревского городища, относящегося к первым векам до нашей эры» [3, С.36]. Именно раскопками Пушкаревского городища в 1939 г. и руководил Б.А. Рыбаков [2, С.179]. Как можно видеть, в круг внимания экспедиции не попал еще древнерусский Вщиж, да и в целом раскопки древнерусских памятников практически не производились. Среди упоминаемых М.В. Воеводским открытых памятников не только городища, но и неукрепленные селища, среди которых открытое Михаилом Вацлавовичем древнерусское селище Овчары на территории современной Бежицы.

Из семи основных задач, поставленных М.В. Воеводским перед Деснинской экспедицией в 1940 г., к изучению средневековых славянских памятников (включая и Древнюю Русь) вновь относился лишь последний пункт: «Обследование и раскопки славянских памятников на верхней Десне» [4, С.89].

Работы, связанные с периодом Древней Руси, М.В. Воеводский характеризует так: «В верхнем течении Десны Орловским отрядом под руководством Б.А. Рыбакова были произведены раскопки большого городища – на месте города Вщижа, бывшего в XII-XIII вв. центром феодального княжества. Раскопки дали очень ценные результаты: был расчищен фундамент каменной церкви, остатки большого сгоревшего деревянного здания, обнаружены остатки гончарных и кузнечных мастерских с множеством изделий. Наибольший интерес представляют остатки гончарной печи с большим количеством сосудов и остатки домашней мельницы. Кроме раскопок, было проведено несколько разведочных маршрутов в северной Черниговщине и обследован ряд феодальных городищ в Орловской области» [4, С.94].

Подробнее результаты исследований древнерусских джрвенностей в 1940 г. излагает сам Б.А. Рыбаков, приступивший по предложению М.В. Воеводского к раскопкам на Верхней Десне. Его статья 1944 г. посвящена мукомольному делу Древней Руси, изученному и реконструированному благодаря найденным во Вщиже нескольким комплектам ручных жерновов. Попутно здесь же рассмотрены и особенности архитектуры древнерусских домов, массу параллелей которым Борис Александрович нашел в довоенном Вщиже [17]. Также в 1940 г. была повторно раскопана кирпичная церковь (ранее она исследовалась во время самых первых раскопок Вщижа, проводившихся помещицей Зиновьевой, но теперь удалось скорректировать и уточнить опубликованный ранее план). Рыбаков датировал ее XII веком [19], позднее датировка была отодвинута в XIII столетие [25]. Был также изучен гончарный горн XIII в. с обжигавшейся в нём посудой двух мастеров [20]. Несмотря на то, что экспеди-

¹ Георгий (Юрий) Владимирович Подгаецкий (1908-1942) был специалистом по бронзовому веку степной и лесостепной полосы [15]

ция 1940 г. во Вщиже длилась недолго, она принесла существенные результаты. В одиннадцати небольших (до 100 кв.м.) раскопах в разных местах городища удалось установить, что культурный слой мощностью от 0,3 до 2 м датируется IX–XIII вв.

В 1941 г. планировалось продолжение раскопок Вщижа и другие перспективные исследования, нахождение археологической практики в экспедиции записалось уже немало студентов, но многим из них вместо раскопок пришлось отправиться на фронт.

Деснинская экспедиция возобновила работу лишь в 1946 г., если не считать продолжения стационарных раскопок городища Песочный ров летом 1945-го. М.В. Воеводский с группой сотрудников первым делом, воспользовавшись полученным в распоряжение экспедиции автомобилем и очень сухим летом, обследовал большое количество памятников, в том числе с целью мониторинга их послевоенного состояния и выбора объектов для дальнейших раскопок широкими площадями. Приведем текст из отчета, хранящегося в архиве Института археологии РАН:

«1. Первым было осмотрено большое городище Вщиж на правом берегу Десны выше Брянска, на котором в 1940 году Б.А. Рыбаковым производились большие раскопки. Городище во время войны не подверглось разрушению, сохранив тот же вид, что и при раскопках Рыбакова. Вся площадь его занята постройками и огородами колхозников. Ввиду того, что Рыбаковым здесь было добыто большое количество материала, нами сборов не производилось. 2. На расстоянии 1,5 км от с. Вщиж по дороге к с. Песочное, на водоразделе, расположена курганная группа из 5-ти насыпей. 1- высотой 3-4 м., сильно опуханный по основанию и 4 низкие, сильно распаханые. На 2-х самых высоких курганах имеются грабительские ямы диаметром около 1 м и глубиной до 1,5 м. 3. На краю с. Новоселки между с. Песочное и Горохова Слобода расположена курганная группа из 9-ти насыпей, сильно распаханых и частью занятых огородами и полевыми посевами. Часть курганов находится у дороги» [8, С.3].

Рис.1. Городище Вщиж. Фото М.В. Воеводского, 1946 г. [8]

Был осмотрен детинец летописного Трубчевска (городище Городок), названный в отчете «Трубчевским городищем»), где также была собрана круговая древнерусская керамика.

Наибольшее внимание, однако, привлек археологический комплекс у с. Кветунь, обследованный, как и Городец, с участием трубчевского археолога В.П. Левенка [24]. В статье, посвященной итогам сезона 1946 г. Михаил Вапцлавович пишет: «Наиболее крупные горо-

дища со слоями X-XIII вв. расположены на месте древних городов – Трубчевска. Путивля, Рыльска, но одно очень большое, с двумя площадками и мощными валами находится у с. Кветунь, в 15 км ниже Трубчевска. Непосредственно за валом Кветунского городища расположено большое неукрепленное селище, протянувшееся вдоль берега Десны до стен старинного Чолнского монастыря на протяжении около 100 м. В ближайших окрестностях Кветуни, по обе стороны села, на высоком берегу и на повышенной части поймы разбросано много курганов. Общее количество сохранившихся сейчас насыпей около 300, но, несомненно, во много раз большее число их распаханно, так как среди полей возвышаются отдельные большие курганы, окруженные невысокими, почти сnivelированными распашкой бугорками. Весь комплекс кветунских памятников представляет собою, несомненно, остатки домонгольского города с сильно укрепленной центральной частью, примыкающим к ней посадом и обширным некрополем. В стенках окопов на площадке городища встречаются скопления типичных плоских квадратных кирпичей» [5, С.37, 39].

Здесь же в Кветуни, в 200 м от Чолнского монастыря на обширном курганном некрополе был с привлечением местных школьников и нового директора Трубчевского музея В.А. Падина раскопан один из древнерусских курганов. Курган, оказалось, был ранее или ограблен или раскопан колодцем (раскопки Г.М. Поршнякова 1920-х гг?), в насыпи удалось встретить бронзовый прорезной бубенчик и фрагмент затылочной кости [8, С.15-16]. Кветунь представлялась М.В. Воеводскому более перспективным, нежели Вщиж, местом для дальнейших стационарных исследований древнерусского периода [6, С.42].

Рис. 2. Городище Городок, Трубчевск. Вид с левого берега Десны. Фото М.В. Воеводского, 1946 г. [8]

Еще один памятник этого времени Деснинская экспедиция 1946 г. исследовала в 7-8 км от г. Сосница в Черниговской области на правом берегу Десны – это неукрепленное селище Боромка (Буримка) на песчаном останце боровой террасы километр в поперечнике и высотой 12-15 м между Десной и озером Боромка. «С южной стороны возвышение окаймлено старицей – озером «Боромка» охватывавший его широкой дугой. Близ вершины дуги находится останец, отделенный от основного массива большой ложбиной. Склоны этого останца очень круты и имеют высоту до 5-6 м над поймой. Южная сторона обрывается к озеру. Этот останец называется у местных жителей городище, и, действительно, при подходе со стороны поймы напоминает его. Но никаких следов искусственных сооружений здесь нет. По видимому некогда здесь был большей бугор, размывтый рекой, когда на месте нынешнего

озера было действующее русло реки. Сейчас от этого бугра остался лишь небольшой дугообразный останец с плоской вершиной площадью около 150 м². В обрыве верхней части останца обнажается золистый культурный слой мощностью 0,50-0,60 м, содержащий большое количество керамики 10-12 вв. н.э. и костей животных («Боромка Городище»). На обрыве склона к озеру собраны 53 находки – 44 обломка глиняных сосудов, 2 обл. больших глиняных грузил и 7 костей животных. Большинство обломков от сосудов, изготовленных на ручном кругу с линейным волнистым и прямым орнаментом 10-13 вв. и несколько фрагментов от лепных сосудов из глины с примесью шамота, один из них с орнаментом из неглубоких кольцевых ямок». [8, С.29-30]

Рис.3. Городище Путивль. Фото М.В. Воеводского, 1946 г. [8]

Рис.4. Липинское городище. Вид с востока. Фото М.В. Воеводского, 1946 г. [8]

Осмотрены были связанные с летописными городами Путивльское и Рыльское городища, а также собранные на них материалы, хранящиеся в местных музеях.

Наконец, во время начавшихся исследований Авдеевской палеолитической стоянки внимание исследователя привлек комплекс памятников у деревни Липина на правом берегу Сейма: городище, селище и некрополь – следы еще одного домонгольского удельного города. У подножия городища местные жители разрабатывали торф, причем в торфянике тоже встречены древнерусские материалы. Липинский комплекс, как и Кветунь, тоже не был поврежден усадебной или городской застройкой.

Рис.5. Р.Л. Розенфельдт (1922-1989)

Спустя год ассистент М.В. Воеводского – Ростислав Леонидович Розенфельдт, поставленный во главе отряда экспедиции, предпринял первые раскопки на Липинском археологическом комплексе. Шурфовка городища дала преимущественно роменские материалы, однако один из шурфов принес следы древнерусского жилища с глинобитной печью, датированной по круговой керамике, найденной в заполнении жерла печи. Прилегающее к городищу селище не подвергалось шурфовке, археологи ограничились сбором подъемного материала, также содержавшего роменскую и древнерусскую керамику, стеклянные браслеты [9, С. 74-85].

Интересные наблюдения, несмотря на отсутствие стационарных раскопок, были сделаны в 1947 г. и на Кветунском археологическом комплексе. М.В. Воеводский сообщает: «Чолнское селище находится с южной стороны монастыря и отделено от всего Кветунского комплекса всей площадью монастырских построек. Южная часть поселения, начинающаяся от с тен Чолнского монастыря, представляет собою большое неукрепленное селище. Часть его, примыкающая к самому монастырю и занятая монастырским садом, имеет мощный золистый культ. слой, достигающий от 1 до 2-х м толщины. В этой части культ. слой содернит большое количество «роменской» керамики 9-10 вв. и очень немного материала "киевской" и "юхновской" культур. Северная часть селища, расположенная между монастырским садом и рвом городища, имеет меньшую толщину культ. слоя – в среднем 0,30-0,50 м. Судя по разрезам стенок окопов, здесь находится довольно много землянок, шириной до 3-х м и глубиной до 1,5 м. Землянки заполнены слоистым золкетын культ. слоем. Стенки некоторых сильно обожжены. Материал, собранный из заполнения землянок, состоит почти исключительно из черепков роменской культуры. Иногда в культ. слое встречаются куски железного шлака... Материал, собранный в 1947 году следующий: всего находок – 505. На селище, расположенном южнее Чолнского монастыря, из обнажения культ. слоя в канаве, огораживающей сад, собрано: 55 черепков от лепных сосудов из глины с примесью шамота, с орнаментом из отпечатков палочки обмотанной шнурком. Среди них один обломок «сковородки» с невысоким бортиком. Культура роменская, 9-10 вв., 3 черепка «белой посуды» из белой глины с примесью песка, изготовленных на ручном кругу («киевская» культура 11-13 вв.), 2 обломка крупных глиняных грузил (юхновская культура). Из вещей любопытен узкий нож с длинным железным черенком, заканчивающимся двумя волнотами... На селище севернее монастыря (между монастырем и площадкой "А" городища) собрано: 68 черепков большей частью от лепных сосудов из глины с примесью шамота и, в небольшом количестве, от сосудов изготовленных на медленно вращающемся кругу. Орнамент – отпечатки палочки, обмотанной шнурком. прочерченном при вращении на кругу – прямым и волнистым. Один обломок миски с невысоким бортом. У нее на внутренней поверхности угловато-волнистый орнамент (роменекая культура 8-10 вв.), 1 черепок «белой

посуды», 1 обломок тонкого кирпича (комплекс 11-13 вв.), 1 кусок железного шлака» [9, С.11-14]. Интересные находки были собраны на площадке Б Кветуньского голродища. Это, помимо юхновских и роменских керамических изделий «8 черепков от сосудов, изготовленных на быстровращающемся ручном кругу, очень тонкостенных, хорошего красного (возможно горнового) обжига. 9 крупных обломков тонких (по-видимому, квадратных) кирпичей, толщиной 3,3-4,0 см. Обе последних группы находок относятся к "Киевскому периоду 10-13 вв.» [9, С.15] – таким образом, уже в 1947 г. были обозначены перспективы обнаружения домонольской кирпичной постройки в Кветуни, однако до сих пор прогноз не реализован исследователями.

В 1948 г. раскопки у д. Липино Курской области с 14 июля по 25 августа вновь велись отрядом Деснинской экспедиции под непосредственным руководством Р.Л. Розенфельдта (в рамках полномочий Открытого листа на имя М.В. Воеводского, осуществлявшего общее руководство и контроль) – силами 8 рабочих-землекопов из местных жителей и группы студентов с биофака МГУ. Топографическую съемку выполнял М.Н. Кислов, три дня в составе экспедиции на раскопках грунтового могильника работала и А.Е. Алихова [1, С.66].

Если в прошлом году раскопки были сосредоточены исключительно на городище, то теперь «Исследование селища было начато с его юго-западной части, т.е. с территории база колхоза «Красный пролетарий». Здесь внимание привлекли остатки разрушенных эскарпом погребений, видневшихся в его стенке на глубине 30-40 см от поверхности в культурном слое селища. Этот участок его, на котором расположен могильник, отделен от остальной территории селища небольшой пологой и широкой ложбиной, начинающейся у домов села и сходящей до уровня поймы р. Сейма. При опросе жители с. Липино сообщили, что на территории база при земляных работах неоднократно были найдены человеческие кости без вещей и гробов, одновременно выяснилось, что в течение последних 100 лет в деревне нет кладюища и все умершие хоронятся в соседнем селе Долженково» [1, С.68]. Могильник, 30 погребений в котором удалось изучить, был датирован XII веком [16]. Раскопы были заложены еще в двух точках Липинского селища – в западной и центральной его частях.

Одновременно сотрудником Деснинской экспедиции Петром Ивановичем Засурцевым – впоследствии известным специалистом по древнерусскому домостроению, лауреатом Государственной премии – были проведены раскопки Липинского курганного могильника в урочище Голубица, по результатам датированного первой половиной XI в. Всего было вскрыто 69 курганов [1]. Пишут, что, будучи верующим человеком, кости из погребений он аккуратно перезахоранивал [27].

Некоторые историографы утверждают, что в послевоенные годы Деснинская экспедиция была сосредоточена преимущественно на работах в Посеймье, в Курской области [26]. Мы наглядно продемонстрировали, цитируя источники, что это не так даже для одного исторического периода, не говоря обо всем комплексном охвате. Не будем забывать, что и Орловский отряд экспедиции вернулся к начатым до войны исследованиям на Верхней Десне.

Археологические работы во Вщиже возобновились только в 1948 г., и по словам уже ставшего доктором исторических наук и профессором Бориса Александровича, носили большей частью вновь рекогносцировочный характер – археолог искал, где сосредоточить усилия во время предстоящих, как он полагал, многолетних раскопок древнерусского города. Работы производились в детинце и на окольном граде (тогда воспринятым Рыбаковым, как

Рис.6. П.И. Засурцев
(1912–1974)

посад) вокруг остатков церкви. Территория у храма, вскрытая 4 раскопами общей площадью 400 кв.м. показала Б.А. Рыбакову в итоге малоперспективной (культурный слой тут был небольшой мощности), а потому в следующем году основные силы было решено бросить на раскопки детинца, где предварительно был зачищен обрыв по краю городища и заложены два небольших раскопа [18].

Рис.7. М.В. Воеводский
(1902-1948)

После полевого сезона 1948 г. в Деснинской экспедиции произошли трагические перемены. М.В. Воеводский в расцвете своего научного творчества и на пороге новых открытий скоропостижно скончался на операционном столе в результате тяжелой болезни в возрасте 45 лет, вскоре после возвращения из-под Курска. Его не стало 23 октября 1948 г. [22]. Не будет преувеличением сказать, что это был шок для всех советских археологов, а для многих – личной трагедией. Деснинская экспедиция фактически оказалась обезглавленной.

В 1949 г. изучавший Вщиж Орловский отряд Деснинской экспедиции стал с подачи Б.А. Рыбакова называться просто «Деснинской экспедицией». Так Рыбаков фактически объявил себя наследником «экспедиционного престола». Вряд ли кто мог возразить: Борис Александрович уже получил Сталинскую премию за монографию «Ремесло Древней Руси», ставшую его докторской диссертацией. Пытаясь сохранить комплексный подход создателя экспедиции, Б.А. Рыбаков в задачи экспедиции включил широкое изучение археологических памятников на берегах р. Десны в окрестностях

Вщижа. Был властный и самоуверенный Борис Александрович и харизматической личностью, но это была совершенно иная, нежели у мягкого, доброжелательного Михаила Воеводского, харизма. Многие говорили, вспоминая тот сезон, о резком отличии от прежнего духа свободного творчества, царившего в команде М.В. Воеводского, о засилье позднесталинского национализма (не секрет, что Борис Александрович с юности был убежденным антисемитом [13, С.195]) и коммунистической идеологии (в экспедиции имелся даже духовой оркестр, каждое утро игравший «Интернационал»). Заметим, что при этом Рыбаков, происходивший из староверческой семьи (о чем предпочитал не упоминать по понятным причинам), вступил в ВКП(б) только в 1951-м, тогда, когда тянуть с пропуском в карьеру уже было нельзя [23].

Раскопки 1949 г. во Вщиже велись сразу в четырех пунктах детинца, позволивших исследовать участок планировки центра крепости, постройку, условно названную еще в 1948 г. «домом воина», и по периметру – для изучения укреплений. В общей сложности на детинце Вщижа было вскрыто 1200 кв.м. городского культурного слоя. Благодаря выразительной стратиграфии памятника Б.А. Рыбаков смог уточнить хронологию и типологию древнерусской керамики, разработка ее хронологии и периодизации [19].

Еще одним объектом, подвергшимся раскопкам на широкой площади (550 кв.м.) стало многослойное городище Благовещенская гора через овраг от Вщижа, включавшее слои бронзового и раннего железного веков (основной), а также роменской культуры и, поверх всего, остатки древнерусского христианского некрополя (изучено 14 погребений) [20]. Очень может быть, что кладбище располагалось при небольшой деревянной церкви, следы которой при методике раскопок 1940-х гг. проследить не получилось.

Таким образом, по мнению Б.А. Рыбакова, археологические раскопки во Вщиже раскрыли «историю развития одного из русских летописных городов от племенного святилища к маленькому городку в системе княжеской вотчины, от городка — к удельному городу с разнообразной застройкой, мощными укреплениями, развитым ремеслом. Затерянный в Брянском Полесье Вщиж XII-XIII вв. оказался с точки зрения исследователя ярким показателем высокого уровня русской культуры, проявлявшейся в самых различных областях быта и искусства» [19, С.60].

Рис.8. Б.А. Рыбаков (в центре, с тростью) в окружении основного состава экспедиции. Вщиж.

Заметим, что с точки зрения современной методики, качество археологических работ 1949 г. оставляло желать лучшего: культурный слой без тщательной переборки выбрасывали в отвал до появления на светлом материковом суглинке пятен, разбиравшихся тщательно [23]. Это доказали работы 2000 г. по рекультивации Вщижского детинца, когда оставленные Б.А. Рыбаковым отвалы сбрасывались с ручной переборкой в заброшенные и заросшие уже кустарником его раскопы (как вспоминали участники экспедиций, Б.А. делал так практически везде, где копал, иногда саркастически замечая, что «государство дает деньги на раскопки – кому надо, закопают»). Переборка старых отвалов дала не только огромный объем информативной древнерусской керамики, но и многочисленную бытовую утварь, украшения, амулеты, предметы вооружения и снаряжения всадника, плинфу и т.д. [10] Таким образом, по ряду причин к реконструкциям Вщижского комплекса Рыбакова следует относиться с осторожностью. В случае же начала работ по созданию скансена (натурной реконструкции крепости, как туристического объекта) однозначно необходимы новые полномасштабные раскопки на современном научном уровне, пользоваться реконструкциями, опубликованными Б.А. Рыбаковым и растиражированными в краеведческих изданиях без дополнительных полевых работ было бы опрометчиво [23]. Но вернемся в 1949 год.

Борис Александрович покинул Вщиж осенью, увозя экспедиционный скарб и находки на нескольких подводах к железнодорожной станции Ржаница на противоположном берегу

Десны. Около сотни экспонатов усилиями участника раскопок 1949 г. Ф.М. Заверняева попали в Брянский краеведческий музей. Годом ранее Рыбаков строил планы долговременных раскопок на Брянской земле. Но в итоге посчитал, что ему уже ясна полная картина древнего города, которую дальнейшие раскопки могут только «испортить». Хороший повод завершить работы. Деснинская экспедиция, возглавленная было Б.А. Рыбаковым, фактически прекратила свое существование. Лишь отдельные её отряды продолжили самостоятельную работу уже с новыми руководителями, прошедшие великолепную школу у М.В. Воеводского.

Рис.9. Н.К.Лисицына
(1921-2000)

Однако, справедливости ради необходимо сказать и о работах на Липинском археологическом комплексе, которые были начаты еще в 1947-1948 гг. Они были продолжены в 1949 г., синхронно со Вщижем (были завершены начатые в 1948 г. раскопки курганного могильника, вскрыта еще 41 насыпь [14, С.165-166]), а завершены с годичным перерывом уже в 1951 г., полностью сосредоточившись на площадке Липинского городища. Раскопками было вскрыто 402 кв.м культурного слоя. Вели их уже известный нам Петр Иванович Засурцев [11] и только что окончившая аспирантуру ученый секретарь Комитета полевых исследований ИИМКа Нина Константиновна Лисицына [21], в 1948 г. имевшая опыт работы на раскопках Вщижа в составе отряда Деснинской экспедиции.¹ В раскопках принимали участие учительница Липинской начальной школы А.П.Дедова и со-

трудники Курского областного краеведческого музея В.П.Забоев и Е.В.Недзвецкин. Результаты раскопок достаточно подробно опубликованы [12], поэтому детально на них останавливаться не станем, сказав лишь, что на городище были выделены три культурно-хронологических горизонта, обозначенные М.В. Воеводским для городищ верхней Десны в одной из его последних работ, увидевшей свет уже посмертно. Несмотря на то, что Липинский комплекс относится к Посеймью, он занимал в этой работе одно из центральных мест [7]. Работы в Липино были финальным аккордом «предприятия Десна», прожившего на несколько лет дольше её создателя и вдохновителя.

Таким образом, последним годом работ Деснинской комплексной экспедиции следует считать 1951-й. Исследования этой экспедиции стали первым успешным опытом регионального комплексного подхода к изучению археологических древностей – от палеолита до Древней Руси.

В заключение хочу поблагодарить моего научного руководителя, археолога и историографа А.А.Чубура, оказавшего неоценимую помощь в поисках источников и в редакторской работе с текстом статьи.

Библиографический список

1. Алихова А.Е. Отчет о работе Деснинской экспедиции 1948 г. Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 291.
2. Воеводский М.В. Обзор полевых археологических исследований в 1939 г. // Вестник древней истории 1940. № 2(11). С. 178-191.
3. Воеводский М.В. Работы Деснинской экспедиции в 1939 г. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Вып.4. 1940, С. 34-36.
4. Воеводский М.В. Деснинская археологическая экспедиция 1940 г. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып.13. 1946. С. 89-94.

¹ Кстати, вызывает недоумение, что Н.К. Лисицына, ни начинавший раскопки в Липино Р.Л. Розенфельдт по непонятным причинам не удостоились упоминания в пространном библиографическом словаре «Историки Курского края» [26], составленным курским историографом и философом С.П. Щавелевым.

5. *Воеводский М.В.* Важнейшие итоги Деснинской экспедиции 1946 г. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1948. Вып.20. С.36-44.
6. *Воеводский М.В.* Результаты работ Деснинской экспедиции (тезисы доклада) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып.21, 1947. С.45-46.
7. *Воеводский М.В.* Городища Верхней Десны // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 24. 1949, С. 67-77.
8. *Воеводский М.В.* Отчет о работе Деснинской экспедиции 1946 г. Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 72.
9. *Воеводский М.В.* Отчет о полевых работах Деснинской экспедиции 1947 г. Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 156.
10. *Гурьянов В.Н., Чубур А.А.* Город, который Н.М. Карамзин вернул на карту государства Российского // История в подробностях. 2016. № 11-12 (Николай Михайлович Карамзин). С.38-43.
11. *Засурцев П.И.* Отчет П.И.Засурцева о раскопках Липинского городища в 1951 г. Архив ИА РАН Ф.1. Р-1, № 927.
12. *Засурцев П.И., Лисицына Н.К.* Липинское городище // Славяне и Русь. М., 1968. С.46-54.
13. *Клейн Л.С.* История российской археологии. Учения, школы и личности. В 2-х т. Т.2: Археологи советской эпохи. – СПб: Евразия, 2014. – 640 с.
14. *Лисицына Н.К.* Археологические исследования в РСФСР в 1949 г. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 38. 1951. С.162-169.
15. *Пряхин А.Д.* Памяти Г.В. Полдгаецкого // Советская археология. 1968. № 2. С. 233-236.
16. *Розенфельдт Р.Л.* Липинский бескурганый могильник // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 72. 1958. С.90-92.
17. *Рыбаков Б.А.* Жернова Вщижского городища // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 11. 1945. С. 15-19.
18. *Рыбаков Б.А.* Раскопки во Вщиже в 1948-1949 гг. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 38. 1951. С. 34-40.
19. *Рыбаков Б.А.* Вщиж – удельный город XII века // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 41. – М., 1951. С. 58-60.
20. *Рыбаков Б.А.* Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По следам древних культур. Древняя Русь. – М.: Культпросветиздат, 1953. С. 75-120.
21. *Седов В.В. Смирнов К.А.* Памяти Нины Константиновны Лисицыной (1921-2000) // Российская археология. 2001. № 2. С. 88.
22. *Чубур А.А.* Михаил Вацлавович Воеводский: страницы биографии (к 100-летию со дня рождения). - Брянск, 2003. - 44 с.
23. *Чубур А.А.* Из истории археологии Брянской области. Вщижский перекресток: от Карамзина до Шинакова // Проблемы сохранения культурного наследия: материалы международного семинара 8 декабря 2011 года. Брянск, 2012. С. 153-181.
24. *Чубур А.А., Поляков Г.П., Наумова Н.И.* Трубчевский самородок (к 100-летию со дня рождения Всеволода Протасьевича Левенка). Брянск, 2006. – 54 с.
25. *Шинаков Е.А., Яганов А.В.* Древнерусский храм во Вщиже: история изучения, техника строительства, стилевые особенности // Русский сборник, Вып.8, Т.2. Брянск: БГУ, 2016. С. 103-109.
26. *Щавелёв С.П.* Деснинская экспедиция М.В.Воеводского и её вклад в археологическое изучение Курского края // Деснинские древности. Брянск, 1995. С.12-15.
27. *Щавелёв С.П.* Историка Курского края. Биографический словарь. – Курск: КГМУ, 2007. – 303 с.

Сведения об авторе:

Филиппова Ирина Вячеславовна – студентка факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского. E-mail: irina-klind@mail.ru

Рецензии

УДК 94(430).081:(049.32)

С. В. Артамошин

**НА ПУТИ К ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ И ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКЕ
ФРАНЦИИ (РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ А.В. БОДРОВА, Н.А. ВЛАСОВА.
ЖЕЛЕЗО И КРОВЬ. ФРАНКО-ГЕРМАНСКАЯ ВОЙНА.
– СПБ.: ЕВРАЗИЯ, 2019. – 544 с.)**

Аннотация: Исследование представляет собой размышления о книге, посвященной франко-германской войне 1870-1871 гг. Анализируются особенности французской и германской стратегий накануне военного конфликта, динамика военных действий. Рассматривается переоценка роли франко-германской войны на политическое развитие французской Третьей Республики и Германской империи. Представлен образ войны в исторической памяти Франции и Германии.

Ключевые слова: франко-германская война 1870-1871 гг., правительство Национальной обороны, Германская империя, Гамбетта, Тьер, Вильгельм I, Бисмарк, Мольтке.

S. V. Artamoshin. On the way to the German Empire and the Third Republic of France (Reflections on the book by A. V. Bodrov, N. A. Vlasov. Iron and blood. Franco-German war. - St. Petersburg: Eurasia, 2019. - 544 p.)

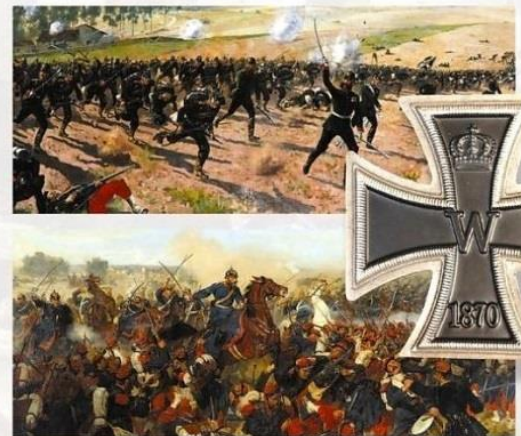
Annotation: The study is a reflection on a book dedicated to the Franco-German war of 1870-1871. The features of the French and German strategies on the eve of the military conflict, the dynamics of military operations are analyzed. The reassessment of the role of the Franco-German war on the political development of the French Third Republic and the German Empire is considered. The image of the war in the historical memory of France and Germany is presented.

Key words: Franco-German war of 1870-1871, government of the National Defense, German Empire, Gambetta, Thiers, Wilhelm I, Bismarck, Moltke

А. В. БОДРОВ Н. А. ВЛАСОВ

**Ж Е Л Е З О
И К Р О В Ь**

**ФРАНКО-ГЕРМАНСКАЯ
В О Й Н А**

Е В Р А З И Я

История взаимоотношений Франции и Германии как двух соседских государств всегда характеризовались сложностью и обостренностью, нередко приводивших к войне. Состояние «наследственных врагов» долгие годы обозначали степень воинственности двух стран. И если мировые войны прочно закрепили образ враждующих сторон, создав внушительную историографию конфликтов, то другие столкновения между этими странами отошли как бы на периферию истории. К категории таких забытых войн относится и франко-германская война 1870-1871 гг., которой посвящена обстоятельная монография двух известных петербургских историков А.В. Бодрова и Н.А. Власова [1]. Соавторство – редко встречаемое в исторических исследованиях явление в силу принципиаль-

ного индивидуализма, к которому склонен историк, за исключением такого жанра как коллективная монография, самим названием своим предполагающая сотрудничество коллектива авторов, в основном сводимое к объединению в рамках одной магистральной темы автономных частей, своего рода исторический пазл. Однако следует отметить, что применительно к рассматриваемой книге подобное отношение недопустимо. Следуя вглубь повествования, с каждой страницей возрастает уверенность в том, что перед тобой не составные куски французского и немецкого сюжета, объединенные хронологическим единством, а единое тело исторического исследования, настолько гармонично переплетенное, что совершенно нет ощущения связующего элемента. Большим достоинством книги является также то, что ее авторы являются признанными специалистами по данной эпохе: А.В. Бодров – специалист по истории Франции 1870-х гг., автор содержательной монографии о германском факторе французской политики [2]; Н.А. Власов – специалист по истории кайзеровской Германии, автор целого ряда книг на данную тему [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12]. Особенно следует отметить, что оба автора являются специалистами по истории французской и германской армий данного времени, что придает тексту еще больший колорит, так как очень редко, когда специалист по политической истории сможет гармонично переплести в единую ткань и военную историю. Здесь же мы видим умелое сочетание политических и военных сюжетов.

Если обратить внимание на отечественную историографию данной войны, то она по большому счету ничтожно мала, что позволяет утверждать, что монография А.В. Бодрова и Н.А. Власова в современной отечественной историографии является без лишней скромности научным достижением, всесторонне рассматривающим данный предмет исследования. Именно системность в изучении франко-германской войны выступает явным отличием данной книги от предшествующих работ. Стремление авторов комплексно подойти к рассмотрению истории франко-германской войны, проанализировав внутривнутриполитическую ситуацию, внешнеполитические столкновения, боевые действия германской и французской армии, проблему военнопленных и гражданского сопротивления, образ врага и общественное мнение в странах. Все эти вопросы нашли отражение в данной монографии. Также был проведен пересмотр стереотипного восприятия данной войны, характерного для советской историографии, начиная с самого названия войны как франко-германской, а не франко-прусской, погружения войны в более широкий контекст исторических событий.

Рассматривая предисторию войны, А.В. Бодров и Н.А. Власов обращают, прежде всего, внимание на нюансы событий, которые направлены не на то, что выделить как можно большее количество казусных моментов, а на подчеркивание особенностей, нюансировки событий. Так, традиционное признание Северогерманского союза как инициатора военного столкновения уточняется и дополняется взглядом с французской стороны, которая дополняет якобы спланированные германские действия Бисмарка по обострению франко-германского династического конфликта необдуманными и беспечными шагами французской дипломатии. Отмечается, что «только опрометчивые действия французского правительства могли превратить дело в вопрос защиты чести всей германской нации. <...> Сколь бы ни была искусной дипломатическая игра Бисмарка, только сами французы сумели пустить по ветру все достигнутое к тому моменту. Не довольствуясь несомненным крупным политическим успехом, они перегнули палку в стремлении добиться большего» [1. С. 63, 68]. Действия Бисмарка, сознательно идущего на обострение отношений не были бы столь успешными без поддержки французской дипломатии, что подчеркивается авторами, отмечавшими, что действия Бисмарка получали неожиданную поддержку со стороны Второй империи в том смысле, что делали политику Франции безальтернативной. «В реальности же он (Бисмарк – С.А.) загонял

Наполеона III в угол. Проблема заключалась в том, что в этом ему активно помогала французская дипломатия» [1. С. 71].

Самоуверенность Второй империи в собственных силах с началом боевых действий получила катастрофический характер, выразившейся не столько в слабости французской армии, стремлении избежать излишних издержек на финансировании вооруженных сил, сколько в ошибочности конкретных шагов и принятых стратегических решений, способствующих германским успехам. По характеру ведения боевых действий можно отметить, что франко-германская война предвещала собой радикальные изменения в характере введения войны, отчетливо выступившими в Великую войну. В исследовании авторы отмечают, что французская армия, имевшая ряд преимуществ в стрелковом вооружении перед германской армией, существенно уступала ей в области артиллерийского оснащения. И проблема была не только в пушках, а в умении их использовать, что Франция, имея митральезы, оказалась не способна их использовать против наступающей германской пехоты. Поэтому справедливым служит утверждение авторов о том, что «в дальнейшем именно способность пруссаков концентрировать на поле боя большие массы артиллерии и грамотно ими управлять станет одним из решающих факторов, определявших исход сражений» [1. С.92]. Германская армия существенно отличалась от французской. Отличительной чертой ее был квалифицированный унтер-офицерский и офицерский корпус, которые закладывали основы успехов на полях битвы. Чувство долга, наступательный дух и самостоятельность были характерными чертами прусских офицеров. Эти качества отличали германскую армию как в франко-германской войне, Великой войне и Второй мировой войне. Изюминкой германской военной мощи был Генеральный штаб, офицеры которого стоили целых армейских корпусов. Вместе с тем, столкнувшиеся армии имели свои сильные и слабые стороны, которые на фоне высококвалифицированного качества солдат и офицеров, обладавших боевым опытом, в критический момент войны, сопровождаемый большими потерями в живой силе ставил армию на грань поражения. Подготовленная Северогерманской армией система резервистов позволяла восполнить понесенные потери, чего французская армия была лишена.

А.В. Бодров и Н.А. Власов основательно подошли к анализу боевых действий франко-германской войны, детально изучая военные операции, что позволяет увидеть насколько элемент планированности разрушался факторами случайности. Большим достоинством выступает характеристика французского и германского генералитета, чья роль в ходе боевых столкновений была одной из важнейших. Авторы отмечают, что германская армия извлекала уроки из предшествующих войн, превращая слабые стороны в сильные, в частности, отмечается важнейшее значение германской артиллерии, сводившей на нет все атаки храброй французской пехоты, ее гибкость в применении и способность концентрироваться на конкретных целях [1. С.133]. Французская армия оказалась не способна использовать свои преимущества перед германской в собственную пользу. Немецкие победы достигались дорогой ценой, благодаря численному превосходству и качественному управлению войсками, но и стратегическим ошибками французского командования. Авторы щедро описывают боевые действия войны, давая читателю возможность не только оценить масштаб столкновения, но и окунуться в перипетии одного из важнейших европейских столкновений второй половины XIX в. Авторы отчетливо демонстрируют на историческом материале, что прусские успехи во многом превращались в победы по причине того, что французское командование оказалось неспособным использовать прусские военные ошибки для достижения собственных побед, как, например, с действиями II армейского корпуса [1. С.182-184]. Вместе с тем, победа под Седаном сформировала образ непобедимой прусской армии, заложив новую тактику ведения войны с массированным применением артиллерии и атакой пехоты расширенным

строим, с использованием особенностей местности. Спустя четыре десятка лет это станет типичной картиной в годы Великой войны.

Сделав ставку на системном анализе франко-германской войны, авторы анализируют и стремления французского правительства к организации сопротивления, образованию Луарской армии и активным действиям Гамбетты, проявившим чудеса организационных способностей. Во многом данные аспекты были слабо исследованы в отечественной историографии и авторы восполняют этот пробел, дав детальную картину мобилизационных действий Франции после катастрофы под Седаном. Локальные столкновения, возрастающие потери и сложности со снабжением, угроза затягивания войны могли превратить германские успехи в возможное поражение. А.В. Бодров и Н.А. Власов смогли сформировать единую картину действий обеих сторон, столкновений и конфликтов военного и политического руководства по поводу продолжения и окончания войны.

Рассматривая тему гражданского сопротивления и немецкой оккупации французской территории авторы в определенном смысле дезавуируют миф о кровожадных пруссаках, указывая на достаточно корректное поведение германских солдат, их уважение к частной собственности. Однако растянувшееся на месяцы нахождение германских войск существенно осложняло ситуацию, вместе с тем гражданское население в большей степени страдало от перестелок между французскими и немецкими частями, чем от карательных экспедиций [1. С. 319]. Как отмечают исследователи, «прусская оккупационная система держалась больше на угрозе репрессий, чем на их реализации» [1. С. 339]. Вместе с тем цели дестабилизации немецкого тыла французские партизанские действия достигли в полной мере.

А.В. Бодров и Н.А. Власов детально останавливаются на завершении военной фазы операции и осаде и обороне Парижа. Они отмечают героическую оборону столицы и подчеркивают, что воинственность населения носила ограниченный характер, так как в основной массе французы жаждали скорейшего завершения войны и наступления мира. Предварительный мирный договор стал началом завершения войны. Следуя логике исторических событий на пути к Франкфуртскому миру мая 1871 г. автор практически конспективно проскользнули фазу марта-мая 1871 г., известную как Парижская Коммуна, посвятив им лишь три страницы [1. С. 492-494], сконцентрировав на них внимание в большей степени на количестве жертв и оставив за страницами книги историю самой Коммуны, даже в контексте франко-германской войны. Ведь полуторамесячный бесконтрольный Париж занимал не только антиверсальскую, но и антигерманскую позицию, при призрачном степени воздействия на глобальные события. Отражение событий Парижской Коммуны так как они были, без преклонения перед рабочим движением и марксизмом, были бы не лишними.

В завершении исследования авторы рассматривают проблему исторической памяти о франко-германской войне 1870-1871 гг. во Франции и Германии [1. С.507-513]. Помимо юбилейных дат, памятников, посвященных войне, большее значение имело понимание того, что она произвела тектонический переворот в жизни Европы. Ее основное значение состояло в том, и в этом следует согласиться с авторами, что «франко-германская война стала важным рубежом и в истории вооруженных конфликтов. Начавшись как «кабинетная война», она стала стремительно приобретать черты войны тотальной, в которой друг другу противостоят не две армии, а две нации, напрягающие для победы все свои ресурсы» [1. С. 519].

Монография А.В. Бодрова и Н.А. Власова, посвященная франко-германской войне представляет собой системное исследование крупнейшего европейского столкновения второй половины XIX в. в полной мере демонстрирующей взгляд на войну с двух сторон, где война становится топосом истории, показанной во всей своей полноте.

Библиографический список

1. *Бодров А.В., Власов Н.А.* Железо и кровь. Франко-германская война. – СПб.: Евразия, 2019
2. *Бодров А.В.* Первые годы после Седана: германский фактор французской политики, общественного сознания и культуры в 1870-е годы. СПб., 2011.
3. *Власов Н.А.* У истоков германского парламентаризма. – СПб., 2006.
4. *Власов Н.А.* Гельмут фон Мольтке – полководец индустриальной эпохи. – СПб., 2011.
5. *Власов Н.А.* Гельмут фон Мольтке. Отец современной войны. – СПб., 2018
6. *Власов Н.А.* Германия Бисмарка. Империя в центре Европы. – СПб., 2018.
7. *Власов Н. А.* Бисмарк. «Железный канцлер». – М., 2018.
8. *Власов Н.А.* Отто фон Бисмарк. Путь к вершинам власти – СПб., 2019.
9. *Власов Н.А.* Идеальная катастрофа. Седан, 1 сентября 1870. – СПб., 2020.
10. *Власов Н.А.* Битва, изменившая мир. Кениггрец, 3 июля 1866. – СПб., 2020.
11. *Власов Н.А.* Россия глазами Бисмарка. – СПб., 2021.
12. *Власов Н.А.* Кайзер Вильгельм I. – СПб., 2022

Сведения об авторе:

Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, e-mail: artamoshinsv@mail.ru

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.

Начало издания: декабрь 2016 г.

Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.

Знак информационной продукции 16+

Сетевое издание представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Сайт сетевого издания: <http://www.clio-brgu.ru> поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

- 07 – исторические науки и археология;
- 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. *Статьи публикуются на некоммерческой основе.*

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки РФ при поступлении соответствующего запроса.

• Контакты

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru

Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201. **Телефон** для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45

Адрес в сети Интернет: www.clio-brgu.ru

ОФОРМЛЕНИЕ СТАТЬИ

- Рукопись подается в электронной версии (по электронной почте или через мессенджер сети "ВКонтакте" на имя редактора или члена редколлегии) в формате или doc или docx. Все нестандартные обозначения в тексте должны быть разборчиво вписаны от руки и введены в текст в виде картинок.
- название статьи, ф.и.о. автора/авторов, резюме до 400 слов и список ключевых слов/словосочетаний (до 10 слов) на английском и русском языках,
- в начале статьи указывается УДК (при сложностях эту функцию берет на себя ответственный секретарь журнала).
- в конце приводятся подробные сведения об авторах (полные фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес).
- при наличии иллюстраций необходимо наличие электронных версий (разрешение не менее 200 dpi).
- Примечания даются внизу соответствующей страницы с постраничной нумерацией (1, 2, 3)
- Ссылки на литературу и источники даются в квадратных скобках, где указывается номер в списке литературы и, через запятую при необходимости номер страницы/страниц или рисунка), например - [5, С.23-24], [21, Рис.2: 6, 12].
- Список литературы и источников дается общий, пронумерованный, в алфавитном порядке в конце рукописи, вначале работы на кириллице, затем на латинице. Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года, к году проставляются литеры а, б, в, включая первое упоминание. Список сокращений прилагается. Источником библиографического описания является титульный лист издания либо сведения над аннотацией на контртитule. Год издания в монографиях и сборниках ставится после города издания и, по возможности, издательства. При ссылках на периодические издания необходимо указать том, №, выпуск:
монография: Петров П.П. Всё об Этом. – Брянск: РИО БГУ, 2003. - 323 с.
статья: Иванов И.И. Кое-что кое о чём // Археология Полесской Республики. 2023. №3. С.2-22.
источник: Псковские летописи. Т.1. - М.-Л., 1941.
архивный материал:
- Шинаков Е.А. Отчет о раскопках Погарского отряда Деснинской экспедиции ИА АН СССР в Брянской обл. (1985 г.) // Архив ИА РАН, Р-1, №11047.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1253. Оп. 1. Д. 271.

Просим Вас придерживаться при подготовке своих рукописей изложенных ниже правил оформления, это по-может редакции оперативно готовить Ваш материал к выходу в свет. Рекомендуем в качестве образца оформления ознакомиться с одним из последних номеров журнала. Это облегчит работу для Вас.